

Анализируя пражские решения

Содержание

2 Задачи преобразования НАТО

Лорд Робертсон анализирует значимость пражского саммита и рассматривает будущие вызовы.

24 Рецензия на книги Незавершенные дела

Кристофер Беннетт рецензирует книги, посвященные военной реформе в семи странах, получивших на пражском саммите приглашение вступить в НАТО.

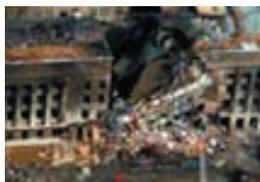

6 В борьбе с терроризмом

Кристофер Беннетт анализирует вопросы повышения вклада Североатлантического союза в борьбу с терроризмом после 11 сентября 2001 г.

28 Интервью Генерал Джеймс Л. Джонс: Верховный главнокомандующий ОВС НАТО в Европе

10 Сотрудничая с партнерами в борьбе с терроризмом

Осман Явузалп рассказывает о том, как План действий партнерства против терроризма помогает странам НАТО и...

32 Специально в номер Готовясь к вступлению в НАТО

Карел Кованда размышляет о том, чем может быть полезен чешский опыт вступления в НАТО семи странам, получившим приглашение вступить в Североатлантический союз на пражском саммите.

13 Углубляя Средиземноморский диалог НАТО

Альберто Бин анализирует меры по углублению Средиземноморского диалога, одобренные на пражском саммите НАТО и рассматривает пути его развития в будущем.

36 Анализ

Задачи Румынии
Адриан Поп анализирует задачи Румынии - страны, стремящейся в будущем вносить достойный вклад в деятельность Североатлантического союза.

17 Дебаты Насколько глобальной может и должна быть роль НАТО? Стив Ларраби против Франсуа Хейсбурга

**40 Военные вопросы
Расширение возможностей
европейских стран в области
дозаправки самолетов в воздухе.**
Фредерико Трилло-Фигуера
Мартинес-Конде рассказывает
о том,...

Издаваемый под эгидой Генерального секретаря НАТО электронный журнал «Вестник НАТО» имеет своей целью содействие конструктивному обсуждению атлантических вопросов. Поэтому помещаемые в журнале статьи не обязательно отражают официальную точку зрения или политическую линию правительств государств-членов НАТО или самой этой организации. В «Вестник НАТО» в формате PDF не обязательно включаются все статьи

и очерки, опубликованные в его электронном издании в интернете. Воспроизведение статей допускается при наличии разрешения редактора с обязательной ссылкой на «Вестник НАТО» (NATO Review) и указанием имен и фамилий авторов статей, если они приводятся в оригинале.

Редакция

Редактор: Кристофер Беннетт
Помощник по производству: Фелисити Бриз

Помощник Генерального секретаря по общественной дипломатии: Директор Отдела информации и прессы НАТО, 1110 Брюссель, Бельгия Эл. почта: revieweditor@hq.nato.int

Во всех случаях упоминания в тексте настоящей публикации бывшей югославской Республики Македонии используется звездочка (*), указывающая на следующую сноску: «Турция признает Республику Македонию под ее конституционным названием».

Задачи преобразования НАТО

Лорд Робертсон анализирует значимость пражского саммита и рассматривает будущие вызовы.

Любой организации судят не по тому, как она работает, когда все идет хорошо, а по тому, как она умеет справляться с трудностями. В этом отношении в период после ноябрьского саммита НАТО в Праге Североатлантическому союзу пришлось столкнуться с вопросами, вызвавшими разногласия между государствами-членами. Для урегулирования расхождений между национальными позициями потребовалось вести трудные переговоры.

Звездная палата: после присоединения к НАТО семи стран количество точек зрения, высказываемых за общим столом Североатлантического совета, увеличится. (© NATO)

В начале 2003 г. между союзниками по НАТО возникла напряженная дискуссия по вопросу сроков оказания поддержки в обороне Турции при сдерживании возможного нападения Ирака. Необходимо отметить, что НАТО по сути своей предназначена для трудных переговоров, ведущих к достижению консенсуса. Более того, несмотря на расхождения по вопросу политики в отношении Ирака, возникшие в Европе и на трансатлантическом уровне, а также массовые протесты и предстоящие выборы в ряде стран НАТО, Североатлантический союз добился достаточного консенсуса для предоставления содействия Турции в обороне на случай необходимости отражения угрозы со стороны Ирака.

Вопрос, как уже отмечалось, заключался в сроках, а не в сути дела. Несмотря на разногласия,

союзники по НАТО продемонстрировали серьезное отношение к своим обязательствам по договору и готовность выполнять их. Было бы предпочтительным быстро и спокойно решить этот вопрос, но главное, в конце концов, то, что результат был достигнут. Более того, после завершения процесса планирования было быстро принято решение развернуть в Турции соответствующие средства.

В предстоящие месяцы и годы членам Североатлантического союза, несомненно, придется вновь напряженно трудиться над формированием консенсуса по трудным вопросам. Надо отметить, что даже во время «холодной войны» страны НАТО часто не соглашались друг с другом. Бывший генеральный секретарь НАТО лорд Каррингтон любил говаривать, что в отличие от советского блока НАТО поет не в унисон, но стройно. Демократическое своеобразие Североатлантического союза определяет действенность НАТО и в хорошие, и в плохие времена. Именно поэтому в период после 11 сентября 2001 г. ей удалось достичь широкого консенсуса по ряду важнейших вопросов.

Широкий консенсус

Прежде всего, мы достигли единства мнений о характере новых угроз и наилучших способах отражения их НАТО и ее членами. Терроризм и распространение оружия массового поражения - это два важнейших вызова XXI века. С учетом этого союзники по НАТО применили ст. 5 Североатлантического договора в ответ на террористические акты, совершенные 11 сентября 2001 г. Еще одним проявлением этого стало решение направить силы в Афганистан для борьбы с «Аль-Каидой» и талибами. В результате этих решений в 2002 г. мы фактически положили конец постоянным спорам о том, может ли НАТО выходить за пределы своей «зоны ответственности».

На пражском саммите мы сделали еще один шаг в расширении этого консенсуса. Мы одобрили новую концепцию защиты от терроризма, в которой говорится, что наши силы должны быть способны «сдерживать и дезорганизовывать нападения террористов, а также защищать от

Лорд Робертсон - генеральный секретарь НАТО.

них», причем они должны выполнять эти задачи там, где этого требуют наши интересы. Более того, Североатлантический союз уже подтвердил это обязательство, предоставив поддержку германо-голландскому командованию Международных сил по содействию безопасности, развернутых в настоящее время в Кабуле.

Мы уже прошли большой путь к формированию нового консенсуса о том, как бороться с угрозой оружия массового поражения. В Праге руководители НАТО договорились совершенствовать средства обнаружения

ОМП, оснастить силы НАТО лучшими средствами защиты и оказывать поддержку гражданским органам власти в случае чрезвычайных ситуаций. Они также выдвинули инициативу о проведении нового исследования технико-экономической осуществимости противоракетной обороны НАТО с целью рассмотрения вариантов защиты территории Североатлантического союза, его войск и населенных центров от всего комплекса ракетных угроз.

Теперь существует консенсус и по вопросу военного потенциала, который необходим нам для противодействия новым угрозам. В Праге было достигнуто соглашение о реформе структуры военного управления НАТО для повышения ее способности реагировать на новые угрозы и осуществлять быстрое развертывание. Союзники по НАТО также обязались осуществить крупномасштабные меры по совершенствованию ключевых аспектов современных военных операций, в частности, стратегических транспортных средств, оперативной совместимости сил и средств и высокоточных боеприпасов. Многие союзники по НАТО взяли на себя подобные обязательства на индивидуальной основе, некоторые объединились с другими союзниками с целью повышения эффективности при ликвидации существующего дефицита средств. Однако самое важное то, что все эти обязательства имеют ясный и конкретный характер, позволяющий легко следить за продвижением этой работы. Таким образом, Пражское обязательство о потенциале действительно знаменует собой переломный момент в процессе приведения сил и средств европейских стран в соответствие с требованиями XXI века.

Другим важным прорывом в области повышения

военного потенциала стало достигнутое в Праге соглашение о создании Сил реагирования НАТО (НСР). Эти современные силы позволят Североатлантическому союзу быстро и эффективно реагировать на новые угрозы.

НСР по своему определению позволят более справедливо распределять риски между союзниками уже при проведении конкретных операций, а не только в постконфликтный период. Кроме того, объединяя лучшие части и подразделения с обеих сторон Атлантики, НСР будут служить катализатором процесса преобразований, необходимого для всех вооруженных сил стран Североатлантического союза.

Необходимо вновь отметить, что консенсус по этому новому вопросу был достигнут в предельно короткие сроки.

Преобразование Североатлантического союза

До 11 сентября 2002 г. ожидалось, что главное внимание на пражском саммите будет уделяться расширению НАТО. На самом деле приглашение семи новых стран вступить в Североатлантический союз стало лишь частью более широкой повестки дня по преобразованию НАТО. Существует прочный консенсус по вопросу процесса расширения как стратегического императива будущего, сохраняющего свою важность даже после того, как в следующем году к НАТО официально присоединятся семь стран. Это связано с тем, что наряду с расширением состава Европейского союза расширение НАТО поможет консолидации Европы и превращению ее в единое пространство безопасности. Кроме того, это станет огромным шагом на пути к превращению Европы в континент, на котором больше не будут возникать войны.

Некоторые аналитики вопросов безопасности подвергают сомнению способность НАТО действенно функционировать при большом числе членов. Несомненно, количество точек зрения, высказываемых за общим столом, увеличится. Но, как это уже было в ходе предшествующих туров расширения НАТО, большее число точек зрения не обязательно означает существование больших различий во взглядах. Хотя ни одна из семи приглашенных стран не обладает впечатляющим военным потенциалом, у каждой из них имеются свои особые «ниши потенциала», которые будут весьма ценными для НАТО. Более того, они привнесут энтузиазм, стремление, при необходимости, идти на риск и будут высоко

НАТО останется энергичной организацией независимо от числа ее членов

ценить незыблемость трансатлантического союза. На основе такого твердого политического обязательства НАТО будет оставаться энергичной организацией, независимо от числа входящих в нее членов.

События 11 сентября 2001 г. поистине превратили терроризм из внутренней угрозы в вызов международной безопасности. По этой причине союзники по НАТО стремятся к привлечению своих 27 государств-партнеров к противодействию этой угрозе. В Плане действий по борьбе с терроризмом, одобренном в Праге, определяются возможности конкретного сотрудничества в этой области. Широкомасштабные усилия по оказанию содействия партнерам в проведении внутренних реформ и решении проблем безопасности оказывают позитивное воздействие на процесс искоренения терроризма и предотвращение его распространения в других странах.

В прошлом году мощный импульс получило сотрудничество с особым партнером НАТО - Россией. После 11 сентября 2001 г. союзники по НАТО и Россия быстро осознали необходимость совместно противостоять общим угрозам и неприемлемость дальнейших споров по таким вопросам, как расширение НАТО. Понимание этого привело к созданию в мае прошлого года Совета Россия-НАТО. Более того, оно продолжает способствовать конструктивному сотрудничеству под эгидой этого совета по широкому кругу вопросов безопасности, в том числе борьбы с терроризмом и предотвращения распространения оружия массового поражения.

Сразу после пражского саммита в декабре прошлого года мы достигли еще одного прорыва в наших отношениях. Была согласована официальная основа сотрудничества между Североатлантическим союзом и Европейским союзом по вопросам антикризисного регулирования и предотвращения конфликтов. До этого, хотя обе организации успешно сотрудничали друг с другом, в частности, при предотвращении гражданской войны в бывшей югославской Республике Македонии* в 2001 г., нам не удавалось придать институциональный характер нашим отношениям. Теперь это положение изменилось.

Новое соглашение между ЕС и НАТО обладает потенциалом преобразования не только европейской безопасности, но и трансатлантических отношений. Обе стороны Атлантики выиграют оттого, что при операциях под

руководством ЕС будет возможность использовать силы, средства и ресурсы НАТО. У Европейского союза появится возможность продемонстрировать свой потенциал серьезного участника процесса обеспечения безопасности. И если ему удастся постепенно принять у НАТО ответственность за поддержание стабильности на Балканах, то силы США, в частности, смогут выполнять другие неотложные задачи. Это поможет облегчить более справедливое перераспределение финансового бремени между США и Европой, достигшей своей зрелости.

В общем, после 11 сентября 2001 г. мы прошли удивительно большой путь. Существует широкое совпадение взглядов по вопросам новых угроз и способов их отражения; сил и средств, необходимых для реагирования на эти угрозы; вкладов, которые смогут внести в наше общее дело новые члены НАТО; а также необходимости работать вместе с государствами-партнерами и нашим ключевым стратегическим партнером, Европейским союзом. Вместе с тем, очевидно, что сейчас не время для самоуспокоенности.

Будущие вызовы

Прежде всего, НАТО и ее членам предстоит выполнить напряженные обязательства, которые были приняты на пражском саммите. Это относится и к активизации усилий по отражению террористической угрозы, и к углублению сотрудничества с нашими партнерами. Это, в частности, относится к обязательствам, которые взяли на себя все девятнадцать членов НАТО в рамках Пражского обязательства о потенциале, каждое из которых имеет принципиальное значение для эффективности и авторитета НАТО в долгосрочной перспективе.

Во-вторых, нам необходимо завершить оформление наших связей с Европейским союзом. Работа по реализации декабрьского соглашения началась немедленно. Особое внимание в ней уделяется созданию возможностей для передачи Европейскому союзу полномочий по операции НАТО в бывшей югославской Республике Македонии*. Однако долгосрочный потенциал нашего сотрудничества выходит далеко за рамки антикризисного регулирования на Балканах. Оно должно углубляться по мере того, как обе организации будут расширяться и у них появится не менее девятнадцати общих членов.

В-третьих, нам необходимо удвоить свои усилия по привлечению на свою сторону общественности. Одна из характеристик этой новой обстановки

безопасности заключается в том, что наша политика в области безопасности и наши институты меняются быстрее, чем восприятие нашей общественности. В результате этого задача разъяснения подлинной сути НАТО и особенностей ее деятельности становится все более актуальной. Нам необходимо прилагать дополнительные усилия для обеспечения понимания общественностью того, что новая НАТО - это по-прежнему всеобщая, сильная организация, готовая к оказанию поддержки.

События 11 сентября 2001 г. и проблема Ирака показывают, что мы находимся в важнейшем переходном периоде. Меняется обстановка безопасности, а с ней и способы реагирования на нее, и наше отношение друг к другу. Принципиально важно в этот период сохранить и упрочить то, что позволило нам выйти на современный уровень, а также в значительной степени обеспечило нашу безопасность, процветание и благосостояние. Короче говоря, нашу общую трансатлантическую культуру доверия, сотрудничества и взаимной поддержки.

* Турция признает Республику Македонию под ее конституционным названием.

В борьбе с терроризмом

В своей статье Кристофер Беннетт анализирует вопросы повышения вклада НАТО в борьбу с терроризмом и сравнивает текущую дискуссию о реформе НАТО с той, что велась десять лет назад.

В июле 1995 г. было совершено чудовищное преступление - массовое убийство мирных жителей в Сребренице, - масштабы и степень варварства которого ужаснули весь мир и побудили НАТО произвести кардинальные изменения в своей деятельности и подходе к решению стоящей перед ней задачи.

Памятный день: террористические акты, совершенные 11 сентября 2001 г., оказали огромное влияние на стратегическое мышление в НАТО. (© Reuters)

Основа для повышения роли НАТО в событиях в Боснии и Герцеговине была подготовлена еще в предшествующие годы внутренними документами Североатлантического союза, а также соглашениями с ООН и Советским Союзом по безопасности и сотрудничеству в Европе. Однако до массового убийства в Сребренице союзники по НАТО не спешили сделать следующий логический шаг и приступить к вмешательству, которое могло положить конец войне.

Сразу после событий в Сребренице, где войсками боснийских сербов было без разбирательств казнено восемь тысяч мужчин и мальчиков из числа боснийских мусульман, отношение к боснийским сербам со стороны международного сообщества ужесточилось. Через два месяца после этой бойни НАТО провела свою первую воздушную операцию, которая

завершилась подписанием мирного соглашения, ознаменовавшего окончание войны, длившейся более трех с половиной лет. К декабрю того же года НАТО уже возглавляла миротворческую операцию в Боснии и Герцеговине и обеспечивала безопасность, необходимую для закрепления мирного процесса.

Террористические акты, совершенные 11 сентября 2001 г., оказали еще большее воздействие на стратегическое мышление в Североатлантическом союзе, чем массовое убийство в Сребренице. Уже на следующий день, после того, как угонщики самолетов направили их на здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и Пентагона в Вашингтоне, союзники по НАТО впервые в истории Североатлантического союза приняли решение применить ст. 5 Североатлантического договора. Уже тот факт, что Североатлантический союз принял решение о том, что террористический акт, совершенный негосударственными субъектами, требует выполнения обязательства о коллективной самообороне, свидетельствует, что борьба с терроризмом стала долгосрочной задачей НАТО.

Всеобъемлющий подход

После этого руководящие политические и военные органы НАТО выработали структурные элементы всеобъемлющего подхода Североатлантического союза к проблеме терроризма, который может оказать аналогичное долгосрочное воздействие на характер деятельности НАТО. В политической сфере Североатлантический совет принял решение о том, что НАТО должна быть готова по мере необходимости и там, где это потребует, оказывать содействие в сдерживании и дезорганизации террористических нападений, направляемых из-за границы, а также в осуществлении обороны и защиты от них. Она должна быть готова оказывать содействие национальным органам власти в ликвидации последствий таких нападений. Кроме того, Североатлантический союз должен рассматривать возможности предоставления на разовой основе своих сил, средств и ресурсов для поддержки операций, в том числе против терроризма, проводимых Европейским союзом или в сотрудничестве с ним, или же с другими

Кристофер Беннетт - редактор журнала «Вестник НАТО».

международными организациями или коалициями с участием союзников по НАТО. В военной сфере НАТО выработала военную концепцию защиты от терроризма, для реализации которой руководящие военные органы НАТО теперь разрабатывают оперативную концепцию.

Подобные меры, несомненно, отвечают важнейшим долгосрочным интересам Североатлантического союза, так как степень его востребованности теперь все чаще определяется по степени его вклада в борьбу с терроризмом. Более того, если бы Североатлантический союз не смог или не захотел вносить свой вклад в отражение вызовов терроризма и оружия массового поражения, то могла возникнуть опасность расстыковки его задач и задач США в области обеспечения безопасности с последующей утратой его эффективности как организации.

Справедливости ради следует отметить, что вся деятельность Североатлантического союза до 11 сентября 2001 г. - участие в восстановлении государств-«неудачников» в бывшей Югославии, налаживание партнерства с Россией, другими бывшими противниками на Востоке, странами в Средиземноморском регионе и за его пределами, расширение зоны стабильности в Европе с приемом в свои ряды новых стран - имела огромную значимость для безопасности Евроатлантического региона, которая сохраняется и теперь.

Более того, Североатлантический союз начал противостоять вызову терроризма еще до 11 сентября 2001 г. В стратегической концепции, принятой руководителями Североатлантического союза на вашингтонском саммите в 1999 г., содержится следующее положение: «Необходимо рассматривать вопросы обеспечения безопасности Североатлантического союза в глобальном контексте. На интересы Североатлантического союза в области безопасности могут оказывать влияние другие риски, имеющие более широкий характер, в том числе террористические акты, саботаж и организованная преступность, а также нарушение потоков снабжения жизненно важными ресурсами...».

Однако, несмотря на это положение, Североатлантический союз в целом уделял проблеме терроризма относительно мало

внимания. Это во многом объяснялось тем, что отсутствовал консенсус о роли НАТО в решение вопросов, которые большинство союзников относил к проблемам внутренней безопасности. В результате этого практически не велось постоянного обсуждения особенностей природы терроризма, его источников или влияния на концепции союза, его политику, структуры и военный потенциал.

Однако, события 11 сентября 2001 г. превратили терроризм из преимущественно внутренней проблемы для правоохранительных органов в проблему международной безопасности, надлежащее решение которой требует

использования широкого круга политических, экономических и правоохранительных мер, а также участия военных.

Первым шагом НАТО стало применение ст. 5 Североатлантического договора. Но после этого беспрецедентного решения вклад союзников в операцию под руководством США против «Аль-Каиды» и талибов

в Афганистане на начальном этапе оказался скромным (более подробно о поддержке, оказанной НАТО на начальном этапе, см. статью «Помощь Америке» в зимнем 2001 г. выпуске Вестника НАТО). В последующий период союзники стали играть все более значительную роль. Более того, в Афганистане были развернуты силы четырнадцати стран НАТО.

На своей встрече в мае прошлого года в Рейкьявике министры иностранных дел стран НАТО договорились о том, что: «Для выполнения всего спектра своих миссий НАТО должна обладать способностью развертывать силы, которые для выполнения поставленных задач смогут быстро передвигаться туда, где они необходимы, обеспечивать свои действия на больших расстояниях и в течение продолжительных сроков». Затем НАТО стала оказывать поддержку странам, возглавляющим Международные силы содействия безопасности в Афганистане. В настоящее время эти функции выполняют Германия и Нидерланды. Затем на пражском саммите руководители НАТО одобрили большой пакет мер и инициатив, практически все из которых можно рассматривать как направленные на борьбу с терроризмом.

Теперь у НАТО есть военная концепция защиты от терроризма

Программа реформ

Новая инициатива НАТО о военном потенциале, «Пражское обязательство о потенциале» (ПРОП), направлена, в частности, на повышение возможностей Североатлантического союза в борьбе с терроризмом. Ее общая цель - обеспечение оснащенности вооруженных сил европейских стран средствами, повышающими их способность к быстрому передвижению, ведению действий на больших расстояниях, более эффективному применению военной силы и тыловому обеспечению своих действий. Она включает в себя восемь направлений: противохимическую, противобиологическую, противорадиологическую и противоядерную защиту; разведку, наблюдение и обнаружение целей; воздушное наблюдение за земной поверхностью; командование, управление и связь; средства повышения боевой эффективности, в том числе высокоточные боеприпасы и средства подавления ПВО противника; стратегические перевозки войск по воздуху и морем; дозаправку самолетов топливом в воздухе; части и подразделения боевого и тылового обеспечения.

После реализации ПРОП число крупных транспортных самолетов в Европе должно увеличиться не менее чем в четыре раза, с четырех до шестнадцати, а может быть и больше. Произойдет также значительное расширение возможностей европейских членов НАТО в области дозаправки самолетов в воздухе. Наряду с другими инициативами это будет достигаться за счет создания парка из 10-15 самолетов-заправщиков. К 2007 г. в НАТО на 40% увеличится запас высокоточных боеприпасов, доставляемых по воздуху. Причем, это будут не американские боеприпасы.

В соответствии с еще одной пражской инициативой будут созданы Силы реагирования НАТО, которые должны уже к октябрю 2004 г. находиться в начальной степени боевой готовности. Цель этой инициативы - создать в Североатлантическом союзе новые силы и средства для быстрого реагирования на чрезвычайную ситуацию, их переброски туда, где они требуются, и нанесения мощного удара. Проводится также реорганизация структуры органов управления силами НАТО, в том числе создается стратегическое командование в США, задачей которого будет продолжение процесса преобразования сил и средств Североатлантического союза.

В пражский пакет мер включен также План действий по гражданскому чрезвычайному планированию, цель которого - оказание содействия национальным органам власти в повышении их готовности к невоенным чрезвычайным ситуациям; совершенствование обмена информацией и механизмов оценки; совершенствование механизмов реагирования на кризисы, в том числе новой концепции ПВО для борьбы с самолетами, захваченными экстремистами, предполагающей создание процедур, позволяющих не допустить повторения событий 11 сентября 2001 г.; оптимизация механизмов развертывания самолетов системы «АВАКС» там, где они необходимы; расширение сотрудничества с партнерами в рамках Плана действий Партнерства по борьбе с терроризмом (см. статью Османа Явузалпа «Сотрудничество с партнерами в борьбе с терроризмом» в настоящем выпуске Вестника НАТО).

В дополнение к этому руководители Североатлантического союза одобрили реализацию пяти инициатив по защите от ядерного, биологического и химического оружия, повышающих потенциал НАТО в борьбе с оружием массового поражения. Ими, в частности, предусматривается создание прототипа аналитической лаборатории по ОМП быстрого развертывания; прототипа группы реагирования на событие с применением ОМП; виртуального Центра обмена передовым опытом в области защиты от ОМП; запас средств защиты НАТО от биологического и химического оружия; системы наблюдения за болезнями. Помимо этого НАТО повышает свою способность защищаться от кибернетических атак. Она также выступила с инициативой о проведении исследования технико-экономической осуществимости различных вариантов защиты территории, сил и населения стран НАТО от всего комплекса ракетных угроз.

В новой военной концепции защиты от терроризма выделяется четыре категории возможной военной деятельности НАТО. Это - антитерроризм; ликвидация последствий; контртерроризм; военное сотрудничество. В этой связи понятие «антитерроризм» означает комплекс оборонительных мер для снижения степени уязвимости, в том числе ограниченные действия вооруженных сил по реагированию и сдерживанию, а также такие виды деятельности, как оповещение об угрозе, поддержание эффективности интегрированной системы ПВО и обеспечение противоракетной обороны. «Ликвидация последствий» означает

восстановительную деятельность в период после нападения и включает в себя такие компоненты, как содействие в планировании и формировании сил, работу сил и средств по оказанию срочной помощи, создание координационных центров и проведение учебной подготовки. «Контртерроризм» означает использование наступательных мер, в том числе контрсилловых действий, как под руководством НАТО, так и при поддержке со стороны НАТО других организаций или коалиций с участием союзников. Понятие «военное сотрудничество» охватывает, помимо прочего, сотрудничество с Россией, Украиной, государствами-партнерами, странами Средиземноморского диалога и другими странами, а также другими организациями, в том числе Европейским союзом, Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе и ООН.

Даже Научная программа НАТО, центральное место в которой традиционно отводилось поощрению сотрудничества между учеными разных стран, была перестроена таким образом, чтобы и она могла теперь вносить свой вклад в защиту от терроризма, в частности, в рамках Совета евроатлантического партнерства и Совета Россия-НАТО.

Реализация мер

Реализация такого пакета впечатляющих мер и инициатив может оказаться проблематичной. Даже если сами страны смогут выполнить свои обязательства, НАТО все равно придется изменить характер своей деятельности с учетом требований новой стратегической обстановки. Хотя в Североатлантическом союзе скоро будет 26 членов, его рабочие методы не менялись с того времени, когда в него входило двенадцать государств.

И в этой области пражский саммит взял хороший старт, когда руководители НАТО договорились сократить на тридцать процентов количество комитетов, число которых сейчас превышает 450. Подчиненным комитетам будут в будущем предоставлены большие полномочия по принятию решений, что позволит Североатлантическому совету сосредоточиться на обсуждении стратегических вопросов. Был также оптимизирован порядок проведения министерских сессий за счет отказа от формальностей и выделения большего времени для обмена мнениями по существу. Со временем такой обмен мнениями должен привести к созданию другой рабочей культуры в Североатлантическом союзе.

После событий 11 сентября 2001 г. НАТО прошла большой путь и смогла эффективно внести свой вклад в борьбу с терроризмом. Тем не менее, многие вопросы, связанные с этой борьбой, остаются спорными, и достижение консенсуса по конкретным действиям может быть затруднено. Более того, во многих отношениях, современная ситуация, связанная с ролью НАТО в борьбе с терроризмом, похожа на ту, что была в 1994 г. или в первой половине 1995 г., при решении вопроса проведения операций за пределами зоны ответственности НАТО в бывшей Югославии. Тем не менее, расхождения во мнениях в Североатлантическом союзе в девяностые годы по поводу политики в отношении Боснии и Герцеговины были, вероятно, большими, чем теперь, хотя они имеют, несомненно, иной характер, так как в этот раз на карту поставлены важнейшие национальные интересы США.

В девяностые годы НАТО смогла решить эту проблему. Потребовалось три с половиной года войны, прежде чем НАТО вмешалась в конфликт в Боснии и Герцеговины, но для прекращения боевых действий в Косове Североатлантическому союзу потребовался уже год, а для предотвращения разрастания конфликта в бывшей югославской Республике Македонии* Североатлантический союз сразу в превентивном порядке развернул свои силы. Таким образом, он продемонстрировал, что хотя ему требуется некоторое время для адаптации к новой парадигме безопасности, он быстро делает необходимые выводы и на практике это дает результаты.

Для того чтобы убедить союзников в преимуществах вмешательства на раннем этапе конфликта, потребовалась бойня в Сребренице. Поэтому главная задача сегодня - это достижение консенсуса по вопросу стратегии, которая может помочь оптимально отразить угрозу терроризма и распространения оружия массового поражения без повторения подобного чудовищного события. ■

* Турция признает Республику Македонию под ее конституционным названием.

Сотрудничая с партнерами в борьбе с терроризмом

Осман Явузалл рассказывает о том, как План действий партнерства против терроризма помогает странам НАТО и государствам-партнерам сотрудничать в борьбе с терроризмом.

Сразу после событий 11 сентября 2001 г. сорок шесть членов Совета евроатлантического партнерства (СЕАП), включающего 19 стран НАТО и 27 государств-партнеров, безоговорочно осудили атаки на Нью-Йорк и Вашингтон и обязались предпринять всевозможные усилия по борьбе со злом терроризма. На пражском саммите руководители СЕАП официально подтвердили эти обязательства и приняли План действий партнерства в борьбе с терроризмом (План действий).

Цель борьба с терроризмом. После 11 сентября 2001 г. Совет евроатлантического партнерства принял обязательство бороться со злом терроризма. (© US DoD)

Подписав План действий, который был подготовлен НАТО в тесном взаимодействии с партнерами, руководители СЕАП прежде всего признали, что все страны сталкиваются с одинаковыми вызовами безопасности, и что борьба с ними возможна только при условии сотрудничества между ними. Более того, многие государства-партнеры, особенно в Центральной Азии, стали жертвами терроризма, организуемого «Аль-Каидой», и уже оказали значительную поддержку союзникам по НАТО при проведении операций в Афганистане, например, предоставив права пролетов над своей территорией и доступ к военным базам.

Планом действий, который был опубликован на веб-сайте НАТО во время пражского саммита, предусматривается содействие развитию сотрудничества между странами СЕАП в борьбе с терроризмом посредством консультаций и проведения практических программ под эгидой СЕАП и Партнерства ради мира. Таким образом, он служит интересам и союзников по НАТО, и партнеров.

Важность Плана действий для союзников по НАТО определяется тем, что он расширяет их возможности и служит механизмом, способствующим участию заинтересованных партнеров в усилиях НАТО по борьбе с терроризмом и оказанию им поддержки. Вклад партнеров в эту деятельность будет соответствовать их обязательствам по международному праву в борьбе с терроризмом, при этом будут учитываться конкретные особенности их политики в области безопасности и обороны.

Заинтересованность НАТО в содействии развитию Партнерства определяются не только военными целями, поэтому для союзников по НАТО также важна реализация мер Плана действий, направленных на содействие упрочению демократии и развитию сотрудничества между партнерами. Это может привести к уменьшению потенциальных источников нестабильности и конфликтов в Евроатлантическом регионе. Более того, пять западноевропейских членов СЕАП, придерживающихся нейтралитета, - Австрия, Ирландия, Финляндия, Швейцария и Швеция вероятно, также проявят свой интерес и присоединятся к этим усилиям.

С точки зрения партнеров План действий помогает развитию сотрудничества между ними в борьбе с угрозой терроризма. План действия, конечно же, не первая инициатива такого рода. Подобные инициативы о сотрудничестве уже существуют, например, в Содружестве Независимых Государств (куда входят большинство бывших советских республик), а также в Шанхайской организации сотрудничества (региональном

Осман Явузалл занимается вопросами расширения НАТО и Партнерства в Отделе по вопросам политики НАТО.

объединении, включающем Казахстан, Киргизскую Республику, Китай, Россию, Таджикистан и Узбекистан). Однако инициатива в рамках СЕАП выступает в качестве дополнительной и ее преимуществом является участие стран НАТО.

План действий может также служить инструментом межгосударственного обмена специальными знаниями и опытом борьбы с терроризмом. В ст. 9 Плана действий, например, определяется одна из его ключевых целей - «оказывать содействие государствам СЕАП в устранении рисков и ликвидации последствий террористических актов». Таким образом, партнеры и союзники по НАТО, которые в течение ряда лет создавали эффективные механизмы решения этой проблемы, могут предоставлять консультативные программы странам, стремящимся повысить свой потенциал борьбы с терроризмом.

Для реализации Плана действий в предстоящие месяцы предстоит уделить особое внимание нижеследующим направлениям деятельности.

Политические консультации

Планом действий предусматривается создание возможностей для союзников по НАТО и государств-партнеров проводить регулярные консультации по вопросам, вызывающим общую озабоченность в связи с проблемой терроризма. Более того, для государств-партнеров там предусмотрена возможность обращаться в соответствии с согласованными процедурами с просьбой о проведении непосредственных политических консультаций с НАТО индивидуально или небольшими группами, по вопросам, связанным с терроризмом.

Обмен информацией

Создание отдела связи по вопросам разведки СЕАП/ПРМ должно расширить обмен информацией. В этой связи возникают возможности постоянных рабочих контактов между разведывательными службами заинтересованных стран СЕАП и, в частности, Кавказа и Центральной Азии, которые могут принести особую пользу.

Пограничный контроль

Ряд государств-партнеров высказали пожелание начать или углубить сотрудничество с НАТО в области пограничного контроля. По этому конкретному вопросу главное внимание

необходимо уделить партнерам из Центральной Азии, которым в связи с их географическим положением может потребоваться содействие по предотвращению незаконного перемещения людей и материалов через государственные границы.

Терроризм, связанный с применением оружия массового поражения

Предстоит согласовать процедуры оказания поддержки и участия партнеров в деятельности под руководством НАТО, направленной на повышение возможностей борьбы с

терроризмом, связанным с применением ОМП, и обмена соответствующей информацией и опытом в этой области.

Углубление сотрудничества в области чрезвычайного гражданского планирования

В связи с предшествующим пунктом, союзники по НАТО и партнеры должны продолжать совместную работу по повышению уровня готовности гражданских служб к возможным террористическим атакам с применением оружия массового поражения. С этой целью на пражском саммите руководители НАТО одобрили План действий по гражданскому чрезвычайному планированию, позволяющий повысить готовность гражданских служб к возможным нападениям на мирное население с применением химических, биологических или радиологических боевых средств. Более того, одной из главных целей Плана действий является оказание содействия (по запросу) государствам СЕАП в устранении рисков и ликвидации последствий террористических нападений, в том числе на особо важные объекты инфраструктуры и народного хозяйства.

Обмен информацией о силах

Другим каналом обмена информацией, который предстоит изучить в ближайшей перспективе, является обмен информацией о воинских формированиях, выполняющих задачи контртеррористических операций, и облегчения контактов между ними.

Планом действий предусматривается содействие сотрудничеству и его развитие между государствами СЕАП в борьбе с терроризмом

Планирование строительства вооруженных сил

В настоящее время в Процессе планирования и анализа НАТО участвует в общей сложности 22 государства-партнера, в том числе три кавказские страны (Азербайджан, Армения и Грузия) и Казахстан и Узбекистан в Центральной Азии. После решения о приглашении семи стран начать переговоры о присоединении к НАТО главное внимание будет, скорее всего, уделяться разработке целей партнерства, направленных на совершенствование потенциала стран Кавказа и Центральной Азии, так как в пражской декларации подчеркивается необходимость «дальнейшего повышения оперативной совместимости и оборонной деятельности, образующих основу Партнерства».

В целом можно сказать, что План действий представляет собой содержательный документ, отражающий солидарность между НАТО и партнерами перед лицом террористической угрозы. В него включены как проверенные временем механизмы, так и инновации, содействующие расширению консультаций и обмена информацией. Он способствует повышению готовности к борьбе с терроризмом, пресечению поддержки террористическим группам, созданию средств ликвидации последствий террористических нападений и содействия партнерам в борьбе с терроризмом. Таким образом, он является важным шагом на пути к приведению СЕАП и программы «Партнерство ради мира» в соответствие с задачами противодействия вызовам безопасности XXI века. ■

Углубляя Средиземноморский диалог НАТО

Альберто Бин анализирует меры по углублению Средиземноморского диалога, одобренные на пражском саммите НАТО и рассматривает пути его развития в будущем.

После террористических актов, совершенных 11 сентября 2001 г., процесс Средиземноморского диалога НАТО подвергся тщательному анализу, как в самом Средиземноморском регионе, так и за его пределами. В этой связи возник ряд вопросов о его будущем развитии, особенно в связи со значительно более широким вопросом о роли Североатлантического союза с учетом обстановки безопасности после 11 сентября.

Практическое сотрудничество: НАТО стремится устранить образ Средиземноморья как новой разделительной линии. (© SFOR)

На пражском саммите руководители Североатлантического союза одобрили пакет мер, направленный на углубление Средиземноморского диалога. Этот пакет обладает потенциалом принципиального изменения характера важных связей между членами НАТО и государствами-партнерами в Средиземноморском регионе и за его пределами, что сулит выгоды обеим сторонам.

Участие НАТО в делах Средиземноморского региона началось еще во времена «холодной войны». Тогда вопросы безопасности в Средиземноморье представлялись Североатлантическому союзу не более как дополнительным аспектом конфронтации между Востоком и Западом и рассматривались с точки зрения угрозы советского вторжения в этот регион. В этой связи

Альберто Бин занимается вопросами Средиземноморского диалога в Отделе по вопросам политики НАТО.

важность Средиземноморского региона для НАТО определялась преимущественно с военной точки зрения, что нашло отражение в обозначении его в качестве «южного фланга» НАТО.

Кардинальное изменение обстановки европейской безопасности в результате завершения «холодной войны» побудило НАТО признать взаимозависимость безопасности Европы и Средиземноморья и объективно рассматривать вопросы ее обеспечения в этом регионе. Решение союзников по НАТО, принятое в декабре 1994 г., об установлении контактов между НАТО и рядом стран в Средиземноморском регионе и за его пределами объясняется признанием тесной связи между стабильностью в Европе и безопасностью и стабильностью в Средиземноморском регионе. В феврале 1995 г. к участию в диалоге с НАТО были приглашены Египет, Израиль, Мавритания, Марокко и Тунис. В ноябре 1995 г. приглашение было направлено Иордании, а в феврале 2000 г. - Алжиру.

Цели диалога

Главная цель Средиземноморского диалога НАТО - содействие региональной безопасности и стабильности и достижение лучшего взаимопонимания между НАТО и ее средиземноморскими партнерами. Североатлантический союз также намерен исправить возможные неправильные представления о деятельности НАТО. В частности, необходимо развеять миф о том, что Североатлантический союз находится в поиске новых искусственных противников. Кроме того, НАТО стремится рассеять опасения о том, что южные сопредельные государства будут исключены из новой архитектуры европейской безопасности. Короче говоря, важно разрушить образ Средиземноморья как разделительной линии. В тоже время НАТО стремится углубить свое понимание взглядов на проблемы безопасности и вопросов, беспокоящих средиземноморских партнеров.

В концептуальном плане Средиземноморский диалог НАТО можно определить как ключевой

инструмент, действующий в поддержку общей стратегии партнерства, диалога и сотрудничества Североатлантического союза. Это четко обозначено в Стратегической концепции 1999 г., в которой охарактеризована обстановка в области безопасности и пути противодействия НАТО угрозам, с которыми сталкиваются ее государства-члены. В ней партнерству придается особое значение, и оно определено как первостепенная задача Североатлантического союза в области обеспечения безопасности.

Трагические события 11 сентября 2002 г. не изменили концептуальную основу, заложенную в Стратегической концепции 1999 г. Не произошло при этом и радикального изменения цели самого диалога. Однако они высветили необходимость сближения НАТО и ее средиземноморских партнеров для налаживания подлинного партнерства перед лицом общих вызовов, таких как терроризм и распространение оружия массового поражения.

Заинтересованность стран НАТО и их средиземноморских партнеров в углублении сотрудничества после 11 сентября возникла не на пустом месте. Принципы, средства, программы и механизмы дальнейшего развития этой инициативы уже имелись в результате работы, проведенной в предшествующие годы.

Средиземноморский диалог был ориентирован на развитие со времени его создания. Более того, с годами он развивался и углублялся. Число стран Диалога выросло с пяти до семи. Более частыми и интенсивными стали политические дискуссии как на многостороннем уровне («НАТО плюс семь»), так и на двустороннем («НАТО плюс один»). Возросло и число мероприятий сотрудничества - с нескольких до нескольких сотен. Они входят в годовичную Рабочую программу, в которую включены направления информационной деятельности; гражданского чрезвычайного планирования; науки и охраны окружающей среды; урегулирования кризисов; политики и стратегии обороны; борьбы с распространением стрелкового и легкого оружия; глобальной гуманитарной акции по разминированию; борьбы с распространением

оружия массового поражения; полномасштабной программы военного сотрудничества.

Несмотря на трудное положение в регионе уже имеется значительный прогресс в достижении общей цели укрепления доверия между НАТО и ее средиземноморскими партнерами. Более

того, в Диалоге все более важное место отводится тем областям, где НАТО может принести дополнительную пользу, в том числе военной сфере, что рассматривается средиземноморскими партнерами как важный вклад в региональное сотрудничество.

Несмотря на это, Диалог сильно отставал от других видов деятельности по налаживанию связей, в частности Совета евроатлантического партнерства (СЕАП) и программы «Партнерство ради мира». По своему характеру

он все еще остается процессом укрепления доверия, а не подлинным партнерством.

Существует ряд причин, почему Диалогу еще предстоит полностью реализовать свой потенциал. Одной из причин является сохраняющееся различие во взглядах союзников по НАТО о путях его дальнейшего развития. Средиземноморские партнеры также расходятся во мнениях о том, чего они хотят в конечном итоге получить от Диалога, и в каких масштабах следует развивать сотрудничество с НАТО.

Упрочение и углубление диалога

Как ни парадоксально, трагические события 11 сентября помогли еще больше прояснить цель Диалога. Упрочение и углубление отношений между НАТО и странами Средиземноморского диалога рассматривается теперь как одна из важнейших задач Североатлантического союза. В свою очередь и средиземноморские партнеры НАТО проявляют повышенный интерес к дальнейшему развитию сотрудничества с Североатлантическим союзом в различных областях и выдвинули в этой связи ряд конкретных предложений.

Итогом этого стал пакет существенных мер, направленных на расширение политических и

Упрочение и углубление отношений со странами Средиземноморского диалога рассматривается теперь как одна из важнейших задач Североатлантического союза

практических аспектов Средиземноморского диалога, одобренный руководителями НАТО на пражском саммите. К ним относятся следующие меры: дальнейшее использование возможностей существующего многостороннего (двустороннего) диалога, с целью создания процесса более регулярных и эффективных консультаций; контакты на высоком уровне с участием лиц, принимающих решения, в целях активизация политических отношений; использование основы СЕАП, в том числе привлечение средиземноморских партнеров к отдельным видам деятельности СЕАП; проведение целевых мероприятий для дальнейшего развития практического сотрудничества в решении вопросов безопасности, вызывающих общую озабоченность, индивидуальный подход к сотрудничеству и постоянный процесс консультаций на уровне экспертов.

Последнее применимо, в частности, к тем областям деятельности, где у НАТО имеется неоспоримое сравнительное преимущество и способность принести дополнительную пользу этим отношениям, и к которым партнеры по диалогу проявляют интерес. К ним могут относиться вопросы военного образования, учебной подготовки и доктрины, решение которых способствует удовлетворению основных требований к оперативной совместимости сил и средств. Цель этого повышение готовности средиземноморских партнеров к участию в военных учениях и сопутствующих видах боевой подготовки. Сюда также относятся вопросы военной медицины, в том числе противоядерных, противобактериальных, противохимических и других мер; военной реформы и оборонной экономики, в том числе передовых способов экономического и гражданского управления вооруженными силами; терроризма; распространения оружия массового поражения; охраны границ, особенно в связи с проявлениями терроризма, контрабандой стрелкового и легкого оружия и других незаконных видов деятельности; чрезвычайного гражданского планирования, в том числе ликвидации последствий стихийных бедствий; науки и охраны окружающей среды, в том числе деятельности в областях борьбы с опустыниванием, засухой, рационального пользования водой и другими природными ресурсами, борьбы с загрязнением окружающей среды.

При определенных обстоятельствах такое углубление практического сотрудничества можно достичь, используя преимущества основы

Партнерства ради мира, в том числе делая доступными отдельные виды деятельности по этой программы для средиземноморских партнеров или адаптации этой деятельности к конкретным требованиям Диалога.

Дальнейшее сотрудничество

Наблюдатели часто отмечали, что в большинстве стран Средиземноморского диалога «предложение» со стороны НАТО постоянно превышало «спрос». НАТО предлагала большую степень сотрудничества, чем требовалась странам Средиземноморского диалога, за исключением Израиля и Иордании. В частности, это объяснялось недостатком информации о НАТО и ее политике. Для достижения «равновесия» между «спросом» и «предложением» необходимо активизировать информационную деятельность НАТО, привлекая к этой работе представителей гражданского общества в странах Диалога с двойной целью достижения лучшего понимания там политики НАТО, в том числе Средиземноморского диалога, и содействия развитию «силового сообщества» в этих странах.

Параллельно с этим необходимо усилить парламентский аспект Диалога с целью расширения его охвата и повышения его общественного резонанса, в том числе за счет более активного привлечения к этой деятельности представителей общественности и в странах НАТО, и в странах Диалога. В этой связи важную роль предстоит сыграть Парламентской ассамблее НАТО.

Партнеры по Средиземноморскому диалогу должны также повышать уровень своего активного участия в Диалоге. Этого можно достичь, наряду с прочими мерами, посредством большего акцента на предварительные консультации с ними; дальнейшего привлечения их к подготовке годичной Рабочей программы; создания индивидуальных программ сотрудничества, разработка и утверждение которых будет проводиться совместно. При соблюдении принципа отказа от дискриминации, заложенном в Средиземноморском диалоге и воплощенном в общей Рабочей программе, это поможет в повышении гибкости этой деятельности с учетом различных потребностей каждой из стран Диалога и того, что каждая из них должна определить вид сотрудничества, наиболее соответствующий их потребностям.

Говоря о связях между Средиземноморским диалогом НАТО и другими инициативами

сотрудничества в регионе, некоторые обозреватели отмечали возможность появления соперничества между различными организациями. Однако огромные различия в целях, охвате и ресурсах между инициативами различных организаций сильно затрудняют возможность их простого сравнения, не говоря уже о соперничестве. На самом деле Средиземноморский диалог НАТО с самого начала дополнял усилия других международных организаций в содействии развитию сотрудничества в Средиземноморье, таких как Барселонский процесс Европейского союза (Евро-средиземноморское партнерство) и Средиземноморская инициатива ОБСЕ. Необходимо усиливать подобный дополнительный характер этих отношений, добиваясь плодотворного сочетания усилий и не допуская их ненужного дублирования. Например, представляется возможным проведение регулярных брифингов и обменов информацией по деятельности каждой из организаций в области безопасности и стабильности в Средиземноморье и встреч между организациями на уровне экспертов по вопросам дополнительных отношений диалога и партнерства в Средиземноморском регионе.

Будущее Диалога

С учетом сказанного вполне закономерно возникает вопрос будущего Средиземноморского диалога НАТО. Многие обозреватели предлагают расширить СЕАП и программу «Партнерство ради мира» за счет Диалога. Более того, развитие Средиземноморского диалога в будущем будет в любом случае основано на том, что уже достигнуто НАТО в СЕАП и Партнерстве ради мира. Сюда относятся и усилия, предпринимаемые Североатлантическим союзом совместно со своими партнерами для сохранения динамики, привлекательности и эффективности этих двух ключевых программ развития связей, в том числе и после последнего тура расширения НАТО.

Важно отметить, что существует один главный принцип, на который опираются все партнерские связи в НАТО - упрочение стабильности посредством сотрудничества. При этом цели, разработанные Североатлантическим союзом со своими партнерами в Европе и Центральной Азии, во многих отношениях отличаются от тех, что ставятся в Средиземноморском диалоге.

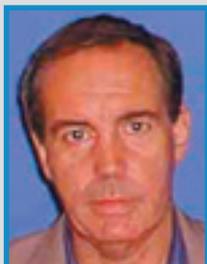
Вопрос, однако, заключается не столько в том, должен ли Диалог в конечном итоге стать

«Средиземноморским партнерством ради мира», а в том, как сблизить его с главным направлением программ развития связей НАТО. Это следует делать с учетом реалистической оценки ситуации и перспектив, не упуская из виду особенности отношений НАТО со странами южной части Средиземноморья и ограниченность средств.

Реальная проблема, стоящая теперь перед НАТО и ее средиземноморскими партнерами - повышение актуальности Средиземноморского диалога для тех и других. Эта цель должна предполагать создание эффективных долгосрочных отношений, основанных на взаимных интересах в области безопасности. Таким образом, Североатлантический союз усилит свое содействие диалогу и сотрудничеству в Средиземноморском регионе, и будет реально способствовать обеспечению там безопасности. ■

Насколько глобальной может и должна быть роль НАТО?

Стив Ларраби против Франсуа Хейсбурга

Стив Ларраби - главный сотрудник вашингтонской «РЭНД Корпорэйшн» и заведующий кафедрой корпорации «РЭНД» по вопросам европейской безопасности.

Франсуа Хейсбург - директор парижского Фонда стратегических исследований.

Уважаемый Франсуа!

В начале XXI века НАТО столкнулась с целым рядом новых стратегических вызовов, которые весьма отличаются от тех, с которыми ей приходилось иметь дело в прошлом. Я рад возможности обсудить этот вопрос с Вами, и надеюсь, что наша дискуссия поможет прояснить вопрос о том, как лучше всего противодействовать этим вызовам.

В последние годы НАТО стала отходить от своей исходной позиции, при которой главное место отводилось Европе, и приходиться к пониманию того, что угрозы Североатлантическому союзу имеют более разнообразный и географически отдаленный характер, чем в период «холодной войны». Такое смещение акцента было однозначно признано на пражском саммите в ноябре прошлого года. В коммюнике, обнародованном в Праге, отмечалось, что НАТО необходимы возможности для развертывания сил, которые могут быстро передвигаться в любую точку, «где бы они ни потребовались», и обеспечивать свои операции на больших расстояниях, в том числе в условиях применения биологического, химического и ядерного оружия.

Такое изменение позиции фактически положило конец дискуссии по вопросу операций «за пределами зоны ответственности», бушевавшей в НАТО в последние несколько лет. Тем не менее, некоторые в Европе выступают против этой попытки, по их мнению, «глобализации» НАТО. Они заявляют, что НАТО должна и впредь уделять

главное внимание угрозам в Европейском регионе и на его периферии. Подобная точка зрения, по моему, является анахронизмом и заблуждением. Ее сторонники не учитывают масштаб изменений в характере и местоположении очагов угроз Европе и США после окончания «холодной войны», и, особенно, после террористических атак, совершенных 11 сентября 2001 г.

Основные источники современных угроз безопасности Запада находятся теперь не в Европе, а за ее пределами. Это уже не опасность советского вторжения или нестабильности на Балканах, а угрозы оружия массового поражения, терроризма и «бандитских» государств, у которых может появиться соблазн применить такое оружие или передать его терроризмам. Для того чтобы сохранить востребованность НАТО и поддержку общественности западных стран, она должна быть способной противодействовать этим новым угрозам и вызовам.

Пражский саммит положил хорошее начало движению в этом направлении. Пражское обязательство о потенциале и создание Сил реагирования НАТО (НСР) позволят Североатлантическому союзу лучше справляться с новыми угрозами. Эти инициативы - большой и, может быть, последний шанс уменьшить разрыв в стратегических подходах и военном потенциале между Европой и США, который еще больше увеличился за последнее десятилетие.

Если разрыв в потенциале не уменьшится, европейским и американским силам будет все

труднее взаимодействовать при отражении новых угроз, особенно тех, источники которых находятся за пределами Европы. Это приведет к двум результатам, оба из которых отрицательные. Во-первых, усилится уже заметная тенденция к односторонним действиям США. Если европейские и американские силы не смогут действовать вместе, то у Соединенных Штатов не останется другого выбора, как действовать самостоятельно. Европейским союзникам придется выступать в роли поставщиков «сил зачистки». Во-вторых, еще больше уменьшится способность Европы влиять на решения и политику США и усилится чувство разочарования и недовольства у европейцев, потому что Европа, как правило, оказывается неспособной реализовать решения, влияющие на ее собственную безопасность. Обе эти тенденции будут иметь парализующий эффект на трансатлантические отношения и способность Европы и США коллективно противостоять новым угрозам и вызовам, с которыми они сталкиваются сегодня.

Реальной проверкой этих намерений станет реализация обязательств, принятых в Праге. Это потребует от многих европейских союзников по НАТО переориентировать свои приоритеты в области капиталовложений в оборону. У многих из них большая часть войск ориентирована на выполнение задач времен «холодной войны». Для отражения новых угроз этим странам необходимы компактные, легкие и более мобильные силы, которые смогут в течение длительных сроков автономно выполнять свои задачи вдалеке от своей страны.

Некоторые европейцы опасаются, что НСР окажут ослабляющее или дезорганизующее воздействие на Силы быстрого реагирования (СБР) Европейского союза. Я не вижу причин для этого. У этих двух формирований совершенно разные цели. НСР - ударные силы для применения в боевых операциях высокой интенсивности за пределами Европы, в то время как СБР Европейского союза предназначаются преимущественно для участия в операциях по поддержанию мира и стабильности в Европе и вокруг нее. Таким образом, здесь нет противоречия, эти силы, в основном, дополняют друг друга.

Учитывая трудность достижения консенсуса о том, «как» и «когда» использовать силу в отражении этих новых угроз, большинство неевропейских операций будет, скорее всего,

проводиться «добровольными коалициям», а не НАТО как организацией. Однако европейские и американские силы будут обладать большей способностью к взаимодействию, если они будут совместно проводить боевую подготовку и использовать аналогичные оперативные доктрины и приемы и способы действий. НСР и Пражское обязательство о потенциале должны помочь усилению сотрудничества в этой области. Более того, последние события в Афганистане показывают, что НАТО как организация может играть все более важную роль в постконфликтных операциях по поддержанию стабильности в регионах за пределами Европы.

Жду Вашего ответа и продолжения нашей дискуссии.

С уважением,
 Стив.

Уважаемый Стив!

НАТО столкнулась с двумя кардинальными стратегическими вызовами. Первый непосредственно связан с постоянно изменяющейся военной обстановкой, в которой приходится действовать союзникам по НАТО после окончания «холодной войны». Второй связан с все большим отдалением от нее США.

Война в Персидском заливе, воздушная кампания в Косово и операция «Нерушимая свобода» в Афганистане и вокруг него, мало похожи друг на друга, там были и разные противники, и способы ведения боевых действий. Это положение получило очень четкое выражение в лаконичном и, по сути, правильном изречении приписываемом Рамсфелду или Вульфовицу: «Коалицию определяет главная задача».

Это имеет парадоксальный эффект воздействия на НАТО. С одной стороны, акцент на непредвиденные ситуации в Европе уже теряет смысл. Это совершенно правильно, так как положение в бывшей Югославии стало спокойным, в значительной степени, в результате вмешательства НАТО в 1995 г. и 1999 г. С другой стороны, универсальный подход теперь уже неуместен. В этом отношении создание Сил реагирования НАТО представляется мне ошибочным с точки зрения стратегической посылки при их создании, которую можно выразить

как: «Коалиция определяет главную задачу». В реальном мире в каждом случае непредвиденной ситуации предполагается привлечение разных политических и военных участников. Например, трудно ожидать, что для реагирования на кризис в Кот-д'Ивуар будут направлены те же люди, что и в Ирак. Причем это не связано с более широким вопросом о том, что НАТО как организация не приглашалась для участия ни одной из этих операций, как, кстати, она не участвовала и в операциях «Нерушимая свобода» или «Буря в пустыне».

Так же как и Вы, я не рассматриваю НСР как соперников европейских Сил быстрого реагирования. Здесь может быть реализован принцип «двухфункциональности», который применяется в других воинских формированиях, таких как «Еврокорпус». Однако я сомневаюсь, что силы, включающие подразделения 26 стран, с постоянной группировкой, организованной по принципу ротации, смогут на практике реагировать на кризисы так, как это планируется. Этому будет препятствовать политическая инерция и реалии военного дела. Когда за 48 часов необходимо эвакуировать граждан европейских стран или США из такого места как Буаке в Кот-д'Ивуар, не проводят заседание с участием представителей 26 стран и не отдают затем приказ стране, которая в данное время формирует основу группировки НСР, выполнить эту задачу. Можно сказать, не оскорбляя при этом Норвегию или Венгрию, да и большинство стран НАТО, что их силы и средства реагирования не оптимизированы для операций в субсахарской Африке. На практике, в случае чрезвычайной ситуации, требующей применения НСР, две или три страны, обладающие политической волей и военным потенциалом, направят свои силы, обладающие знаниями и опытом действий в такой местности. Именно поэтому гуманитарное вмешательство в сентябре прошлого года в Буаке взяли на себя силы Франции и США.

В этом новом стратегическом контексте НАТО предстоит сыграть главную роль в формировании наиболее значимых коалиций. В этом отношении НАТО как организация, способствующая оперативной совместимости сил и средств разных стран, совершенно незаменима. Более того, НСР будут приносить пользу только в том случае, если они будут выполнять функцию катализатора в процессе совершенствования оперативной совместимости между воинскими формированиями, которые, по терминологии контртерроризма, будут силами «первого

реагирования».

Здесь возникает второй вызов НАТО в форме все большего отдаления от нее США. Эта тенденция, естественно, определяется рядом причин. К ним относится окончание «холодной войны» и, соответственно, уменьшение важности европейского театра военных действий (ТВД); повышение автономности командований сил США на ТВД, для большей части которых - командований на Тихом океане, «Центр», «Север», «Юг» - непривычны процедуры, стандарты и нормы НАТО; и, конечно, растущий разрыв в потенциале между Европой и США, что все больше влияет на способность европейских сил полномасштабно взаимодействовать с силами США.

Если учесть, что 92% структуры вооруженных сил США не входят в структуру НАТО, то в чем смысл задач оперативной совместимости НАТО в будущем? На практике в качестве главного клиента, все больше стремящегося получить это общее благо, будут выступать силы европейских стран. Создание вместо Стратегического командования ОВС НАТО на Атлантике командования, которое будет преимущественно заниматься вопросами преобразований вооруженных сил НАТО, может способствовать сокращению трансатлантического разрыва в оперативной совместимости сил и средств. Однако будет трудно добиться того, чтобы задачи оперативной совместимости НАТО приобрели бы значимость для командований сил США на ТВД, находящихся за пределами Европы. Это было наглядно видно на примере тех трудностей, которые возникали в ходе операции «Нерушимая свобода».

Со своей стороны Европа должна вносить свой вклад в это дело в форме увеличения и оптимизации расходов на оборону, в частности, в тех областях, которые связаны с проецированием силы и использованием принципа «сетового централизма» в военном противоборстве. Однако в настоящее время в этой области до необходимого уровня еще далеко. Это положение дел не претерпело существенных изменений ни в связи с установлением эталонных ориентиров в Инициативе об оборонном потенциале НАТО, ни в результате принятия оборонной политики Европейского союза.

С уважением,
Франсуа.
Уважаемый Франсуа!

Я согласен с тем, что в новой стратегической обстановке акцент на военные чрезвычайные ситуации в Европе потерял всякий смысл. Я также согласен, что универсальный подход здесь также не уместен. Как Вы отметили, в реальном мире в каждой военной чрезвычайной ситуации необходимо привлечение своих политических и военных участников.

Наконец, справедливо отмечено, что в такой угрожающей ситуации как в Буаке (срочная эвакуация граждан стран НАТО) НСР не принесут большой пользы. Однако это не означает, что создание НСР, как Вы говорите, ошибочно. НСР создаются не для решения задач, подобных тем, что возникли в чрезвычайной ситуации в Буаке. Они должны стать ударными силами для применения в боевых условиях обстановки высокой сложности вдали от территории стран НАТО. В случае маломасштабных непредвиденных ситуаций, как в Буаке, требуются другие решения. Однако НАТО также быть способна действовать и по более сложным сценариям. Для таких случаев НСР вполне оправдывают себя и могут способствовать развитию оперативной совместимости сил и средств, что является ключевым требованием в условиях, когда европейские и американские силы будут действовать вместе в коалиции и отражать многочисленные новые угрозы, с которыми они столкнутся в будущем.

Что касается второго вызова, то Вы правы. Существует угроза отдаления США от НАТО, но это в меньшей степени связано с теми причинами, о которых Вы говорите. Реальная движущая сила, определяющая отдаление США от НАТО, - это разрыв в потенциале между европейскими и американскими силами. Если европейские члены НАТО не реорганизуют свои силы, состав и структура которых не менялись со времен «холодной войны», и не приобретут способность выполнять экспедиционные задачи, то разрыв в потенциале будет расти, а европейские и американские силы не смогут эффективно взаимодействовать в коалиции. Европейцам необходимо повысить свои расходы на оборону и расходовать эти средства на другие, чем в прошлом, цели. Проблема, как Вы отмечаете, заключается в том, что необходимый уровень в этой области не достигнут. Если это положение не изменится, то США, независимо от их желаний, не останется другого выбора, кроме самостоятельных действий. Несомненно, что и США частично виновны

в создавшемся положении. Первоначальная позиция администрация Буша по некоторым вопросам, - по Киотскому протоколу, развалу договора по ПРО, Международному уголовному суду - создала впечатление, что новая администрация мало интересуется мнением своих союзников и отдаляется от НАТО. Ее решение обойти НАТО в ходе кризиса в Афганистане только усилило впечатление о том, что значимость Североатлантического союза в качестве инструмента координации вопросов трансатлантической безопасности и оборонной политики пошла на убыль.

Однако администрация США сделала выводы из своих промахов. НСР и Пражское обязательство о потенциале - обе эти инициативы выдвинуты США - ставят своей целью повысить способность НАТО противодействовать новым угрозам и изменить впечатление о том, что администрация США снижает значимость НАТО в стратегическом планировании. После пражского саммита администрация предпринимала настойчивые меры по повышению роли НАТО в Афганистане, а также в Ираке, если там будет предпринята военная акция. По иронии судьбы, именно теперь, когда администрация США стремится преобразовать и адаптировать НАТО для выполнения задач в условиях новой эпохи, некоторые европейцы, наиболее активно критиковавшие ее за то, что она обошла НАТО во время кризиса в Афганистане, блокируют усилия по повышению ответственности НАТО в Афганистане и Ираке. Такая тактика недальновидна и только мешает процессу преобразований, который необходим НАТО для повышения значимости ее роли в отражении новых угроз.

*С уважением,
Стив.*

Уважаемый Стив!

Действительно, НСР задуманы для выполнения более масштабных задач, чем эвакуация из Буаке. Однако, то, о чем я говорю, также относится к более масштабным задачам, например, организации в кратчайшие сроки операции по эвакуации в неблагоприятных условиях приблизительно двадцати тысяч иностранных граждан из Абиджана. Насколько эффективными будут НСР в планируемом в настоящее время составе? Они не должны стать гибридом, который планируется сейчас. Что это -

«постоянные-непостоянные» или «непостоянные-постоянные» силы? Они призваны быть силами, формируемыми каждый раз в соответствии с поставленными задачами, а постоянно должны существовать только их штабы.

То, что Вы говорите о разрыве в потенциале между Европой и США действительно верно, но мне хотелось бы добавить одно подкрепляющее положение и оттенить некоторые нюансы. Этим разрывом фактически закрепляется разделение труда, при котором США «выбивают дверь», а европейцы «моют грязную посуду». Такое положение дел трудно оправдать в политическом плане даже в самые лучшие времена, то есть когда существует высокая степень согласия о целях и политике, как это было в период, начиная с 1995 г., в случае Балкан. Оно дает губительный эффект, когда в Североатлантическом союзе отсутствует консенсус, как это было в случае иракского кризиса. Операция по «выбиванию дверей» с участием Австралии, Великобритании и США, не перейдет плавно в «посудомоечную» операцию по поддержанию мира, при которой «ООН кормит, а ЕС платит».

Первый нюанс, который я хочу отметить, связан с тем, что разрыв в военном потенциале между европейскими членами НАТО в пропорциональном плане значительно больше, чем тот, что существует между Европой и США. Независимо от того, как определять этот разрыв, он больше между передовыми европейскими странами (во-первых, Великобританией, затем Францией) и другими отстающими государствами (они знают, о ком идет речь), чем на трансатлантическом уровне. Другой момент: некоторые назидания США о существующем разрыве порождены эмоциями. Я подозреваю, что если бы каким-то чудом европейцы смогли бы довести свои расходы на оборону до уровня, позволяющего им закупить весь комплекс средств боевого управления, связи, вычислительной техники, разведки, наблюдения и рекогносцировки (C4 ISR), необходимый для проведения собственных операций по проецированию силы, им сразу стали бы говорить о «бесплезном дублировании». Собственно это уже имеет место в случае программы «Галилей», европейского эквивалента американской «Системы глобального позиционирования», финансируемого из гражданских источников.

Наконец, Вы говорите, что администрация Буша учится на своих промахах. Я не согласен. Администрация Буша не рассматривает свои действия по Киото или НАТО как

«промахи». Это политика. Когда за сутки до участия в Международной конференции по безопасности в Мюнхене министр обороны США сравнивает Германию с Кубой и Ливией, когда предпринимаются неоднократные и последовательные шаги по расколу НАТО по линии «старая Европа - новая Европа», (и не только в рамках Европейского союза), трудно сделать вывод о том, что ошибки, совершаемые администрацией Буша, случайны.

Естественно, американцы не единственные, кто играет в эти игры во время иракского кризиса. Но действия ведущей страны имеют более серьезные последствия, чем действия других государств. Более того, мы достигли такой точки, когда просто трудно представить себе такую особую обстановку, при которой можно ожидать единых военных ответных действий всех 26 государств НАТО и приглашенных стран. Недовольство на трансатлантическом уровне достигло таких масштабов, что теперь уже нелегко будет воспроизвести ситуацию применения ст. 5 Североатлантического договора, возникшую после 11 сентября 2001 г.

Я не могу вспомнить худшей ситуации. Невольно начинаешь думать о Суэцком кризисе.

*С уважением,
Франсуа.*

Уважаемый Франсуа!

Я согласен с тем, что разрыв в военном

потенциале усиливает опасное разделение труда, при котором США действуют как ударная команда, выбивающая двери, а большинству европейцам при этом отводится роль «бригады дворников» (или судомоек), которая прибывает в конце операции для очистки мусора, оставшегося после американцев. Это разделение труда губительно для единства Североатлантического союза и его военной эффективности. Оно также оставляет европейцев в состоянии зависимости. Они мало влияют на военные операции США, но должны оплачивать политические и экономические издержки этих военных акций.

Именно поэтому так важно сократить существующий разрыв в военном потенциале. Если европейские члены НАТО хотят влиять на операции под руководством США и принимаемые

ими решения, им необходимо приобрести способность действовать совместно с силами США на ранних этапах боевых действий, а не просто участвовать в операциях по «зачистке» или обеспечению стабильности после боевых действий. В противном случае, не остается ничего другого, как быть «бригадой дворников».

Я также согласен, что существует разрыв в военном потенциале между передовыми членами Североатлантического союза, такими как Франция и Великобритания, которые создают экспедиционные и «сетевые» силы и средства, и остальными его членами. Более того, если будет сохраняться современная тенденция, то появится опасность возникновения трехъярусного Североатлантического союза: (1) США и несколько избранных членов НАТО, способных проецировать мощь; (2) основная часть членов Североатлантического союза, структура и состав сил которых находится на уровне времен «холодной войны»; (3) новые члены НАТО, чьи силы еще менее современны, чем у стран второй группы.

Некоторые запальчивые заявления с обеих сторон Атлантики, к ним я отношу и критические слова президента Ширака на саммите ЕС по поводу восточноевропейских стран, выступивших в поддержку США в иракском кризисе, привели к еще большему ухудшению ситуации. Политикам на обеих сторонах Атлантики необходимо прекратить «копать» друг под друга и начать действовать с большей ответственностью, чтобы ликвидировать возникающий трансатлантический разрыв.

Основная проблема заключается в том, что в США и в большей части Европы отсутствует консенсус по вопросу того, как отражать новые стратегические угрозы и решать проблемы, с которыми сталкивается Североатлантический союз. Без такого консенсуса НАТО будет трудно эффективно использовать имеющиеся у нее силы, как при наличии НСР, так и без них.

Создание необходимого стратегического консенсуса потребует просвещенного руководства США в глобальных масштабах, а также наличия желания у Вашингтона относиться к своим европейским союзникам как к подлинным партнерам, а не вассалам, которые должны сразу и безоговорочно поддерживать любую политическую инициативу США («Либо вы с нами, либо против нас»). Это не просто вопрос расширения американцами консультаций, (хотя и

это необходимо), но, прежде всего, формирования в Североатлантическом союзе необходимого стратегического консенсуса по поводу своих действий. В то же время европейским союзникам США необходимо начать более серьезно, чем до сих пор, относиться к появляющимся новым угрозам и основательно заниматься преобразованием своих вооруженных сил.

С уважением,
 Стив.

Уважаемый Стив!

Европейцам необходимо инвестировать больше средств в оборону - здесь у нас нет расхождений. Это похоже на то, что защитники окружающей среды называют «политикой, не наносящей вреда». Нам необходимо сократить трансатлантический разрыв, чтобы не допустить развала Североатлантического союза. Ведь если он распадется, то европейцам придется больше тратить на оборону. К сожалению, то, что мы оба согласны с этим, вряд ли даст какой-либо значительный материальный эффект.

Североатлантическому союзу предстоит справиться с двумя еще более важными проблемами. Одна из них связана с изменяющимся характером угроз безопасности. Военно-политический союз, созданный для борьбы с угрозами, исходящими от государств, не приспособлен для отражения угроз негосударственного характера, подобных «Аль-Каиде». Полицейские действия, обмен разведданными невоенного характера, финансовый контроль и социально-экономические инициативы не входят в сферу главной компетенции НАТО. Аналогично этому в мире, где происходит быстрая смена вызовов, где геостратегический акцент меняется с Афганистана в 2001-02 гг. на Ирак в 2003-02 гг., главная задача действительно диктует состав коалиции. Независимо от наличия Сил реагирования, НАТО будет нелегко «перескакивать» от одного кризиса к другому.

Самой большой трудностью для Североатлантического союза сейчас является, скорее всего, то, что многие его члены и значительная часть населения их стран считают, что самый важный член НАТО стал подрывать безопасность. Это самый серьезный отход от единства взглядов, достигнутого

между союзниками после 11 сентября 2001 г., что не предвещает ничего хорошего. Если утвердится мнение о том, что союз, цель которого упрочение безопасности, на самом деле подрывает ее, то он превратится в живой труп. Возможно, это временное явление и нам удастся снова объединиться в борьбе за ликвидацию ядерного оружия в Северной Корее. Однако мы хорошо понимаем, что для спасения Североатлантического союза от назревающего раскола Запада и американцам, и европейцам нужно будет действовать с большой осторожностью. Заметных проявлений такой осторожности в последние месяцы не было.

С уважением,
Франсуа. ■

Незавершенные дела

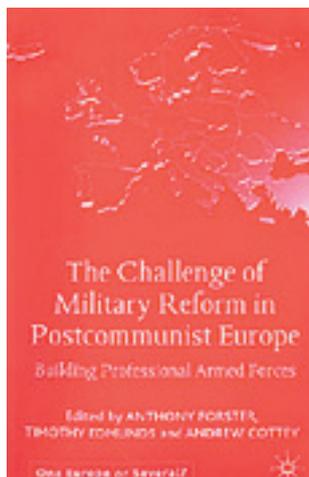
Кристофер Беннетт рецензирует книги, посвященные военной реформе в семи странах, получивших на пражском саммите приглашение вступить в НАТО.

К следующему саммиту НАТО в мае 2004 г. семь стран, приглашенных вступить в Североатлантический союз в Праге в ноябре прошлого года, станут полноправными членами НАТО. Поэтому срок, установленный для пятого и наиболее сложного до настоящего времени тура расширения НАТО, весьма короткий. За предшествующие туры расширения - Греции и Турции в 1952 г., Германии в 1955 г., Испании в 1982 г. и Чешской Республики, Венгрии и Польши в 1999 г. - в союз вступило в общей сложности столько же стран, сколько сейчас присоединяется за один раз. Более того, такое быстрое продвижение возможно в данном случае только потому, что все приглашенные страны начиная с 1999 г. готовились к присоединению к Североатлантическому союзу в рамках Плана подготовки к членству в НАТО (ПДПЧ). Однако насколько готовы к вступлению эти страны в военном плане, и какие задачи им еще предстоит решить?

В ходе следующего года это положение станет, вероятно, более ясным, по мере того, как существующие члены НАТО внимательно проанализируют готовность приглашенных стран перед принятием решения о ратификации документов об их присоединении. Этот процесс, на который отводится один год, не простая формальность. Более того, как отмечает в своей статье в этом выпуске Вестника НАТО постоянный представитель Чешской Республики в НАТО Карел Кованда, в ходе первого после «холодной войны» тура расширения НАТО прием его страны был задержан на три месяца, так как Конгрессу США было необходимо убедиться в том, что она может выполнить так называемые «Минимальные военные требования».

Хотя по вопросам военной реформы существует довольно обширная научная литература, ход реформы в семи приглашенных странах освещается относительно скупо. Большинство этих стран невелики по масштабам, а их языки трудны для иностранцев. В этой связи книга «Вызов военной реформы в

посткоммунистической Европе: строительство профессиональных вооруженных сил» (Palgrave Macmillan, Лондон, 2002 г.) является важным дополнением к существующей литературе. Выпущенная под редакцией трех английских ученых, Энтони Форстера, Тимоти Эдмундса и Эндрю Котти, эта монография частично основана на результатах исследовательского проекта «Одна Европа или несколько?», проведенного при финансировании Совета по социально-экономическим исследованиям Великобритании. В отличие от других публикаций ее главы насыщены информацией обо всех приглашенных

государствах, за исключением Эстонии, самой маленькой из приглашенных стран по численности населения. Там также имеются главы, посвященные военной реформе в трех странах, вступивших в НАТО в 1999 г., а также в России, Украине, Хорватии, Сербии и Черногории. Хотя авторами глав являются как местные, так и иностранные аналитики, сами главы написаны, в общем, по одному стандарту, потому что редакторы, несомненно, установили здесь весьма

конкретные правила. Книга начинается и заканчивается главами, написанными Форстером, Эдмундсом и Котти, которые отражают глубокое понимание ими рассматриваемых вопросов.

Организация, оснащение и система комплектования вооруженных сил всех трех приглашенных стран, унаследованные от коммунистической системы, не соответствуют задачам отражения вызовов эпохи в период после «холодной войны». В трех республиках Балтии и Словении задача строительства требуемых вооруженных сил было особенно сложна, так как приходилось создавать их практически «с нуля». Хотя существуют сложности в определении понятий «профессиональные вооруженные силы» и «профессионализм», имеется широкое единство мнений о том, что задачей военной реформы является повышение профессионализации вооруженных сил. Существует также широко принятое положение о том, что перед профессиональными вооруженными силами

Кристофер Беннетт - редактор «Вестника НАТО».

ставятся три цели: принятие военными своей роли по выполнению требований демократического гражданского правительства; обеспечение способности вооруженных сил эффективно вести свою военную деятельность; наличие организации, морально-этических принципов и внутренней структуры вооруженных сил, отражающих эти два положения.

Форстер, Эдмундс и Котти утверждают, что профессиональные вооруженные силы определяются четырьмя основными характеристиками, в частности, их ролью, специальными знаниями, ответственностью и системой продвижения по службе. У них имеются четко определенные и широко признанные задачи, как в сфере своих внешних функций, так и по отношению к своему обществу. У них есть ясные правила, определяющие обязанности военных как института власти и отдельных военнослужащих. Система продвижения по службе основана в них на достижении военнослужащими соответствующих успехов. Редакторы монографии утверждают, что применительно к Европе в период после «холодной войны» существует четыре модели профессиональных вооруженных сил: модель проецирования силы, в соответствии с которой вооруженные силы преимущественно ориентированы на использование военной силы за пределами своей национальной территории; модель территориальной обороны, при которой вооруженные силы преимущественно ориентированы на национальную оборону, но могут также вносить ограниченный вклад в многонациональные операции проецирования силы; «постнейтральная» модель, при которой компактные вооруженные силы преимущественно ориентированы на национальную оборону, но при этом они в большой степени зависят от широкомасштабной мобилизации резервистов во время войны, и могут также вносить свой вклад в традиционные миротворческие операции; «нейтральная модель», при которой вооруженные силы почти полностью ориентированы на оборону своей страны.

Указанные четыре модели представляют собой идеальные типы и не обязательно отражают индивидуальный опыт отдельных стран. Тем не менее, они дают аналитическую основу, позволяющую авторам провести анализ вариантов стратегической оборонной политики и профессионализации, имеющихся у разных стран и сопоставить нарождающиеся модели профессионализации вооруженных сил в посткоммунистической Европе.

Редакторы монографии выделяют три модели профессионализации вооруженных сил государств Европы в посткоммунистический период, две из которых распространяются на все семь приглашенных стран. Первая и самая большая группа объединяет государства, стремящиеся к идеальному типу модели «территориальная оборона». В эту группу стран входят Румыния, Словакия, три страны, вступившие в НАТО в 1999 г., а также Хорватия, Россия, Сербия и Черногория и Украина. Как в Румынии, так и в Словакии коммунизм оставил в качестве своего военного наследия крупные вооруженные силы, основанные преимущественно на воинской повинности, большие оборонные бюджеты и сложившиеся структуры управления войсками советского типа. В посткоммунистический период Румыния и Словакия определили свои национальные приоритеты в области безопасности с точки зрения реформирования своей национальной обороны и более тесной интеграции с Западом, поставив себе конечную цель вступления в НАТО. В обоих случаях иностранная помощь и, в частности, жесткие требования ПДПЧ сыграли важнейшее значение для процесса реформ. Однако продвижению вперед по-прежнему мешает отсутствие средств.

В главе, посвященной Румынии, советник президента Мариан Зулеан отмечает, что в период с 1989 г., (за исключением 1994-95 гг. и 2000-01 гг.) происходило постоянное уменьшение ВВП. Несмотря на это, для ускорения реформы ассигнование средств на оборону было увеличено на 35% - до одного миллиарда долл. США. Не вызывает сомнений, что подобное увеличение расходов было частично вызвано чрезвычайно пессимистическими оценками вооруженных сил страны, данных за год до этого начальником генерального штаба и министром обороны Румынии. В этом докладе содержался вывод о том, что вооруженные силы страны не готовы к выполнению своих задач и плохо обучены, что 70% летчиков ВВС небоеспособны, так как не имеют необходимого налета часов, что ВМС получают лишь 15% требуемого топлива. Наряду с этим, саперный батальон в составе 200 военнослужащих с 1996 г. участвовал в операциях под руководством НАТО в Боснии и Герцеговине, а с 1999 г. в КФОР служила группа румынских штабных офицеров. Численность обоих контингентов была увеличена в 2001 г. после террористических актов в США, совершенных 11 сентября 2001 г.

В главе, посвященной Словакии, Марибет Петерсон Улрич из Военного колледжа армии США также уделяет большое внимание вопросу финансов, отмечая, что отсутствие денег привело к приостановке летной подготовки в период с 1999 г. до начала 2000 г. Приобретение авиационных тренажерных комплексов помогло частично восполнить этот дефицит, но попытки отказаться от призыва и создать к 2006 г. вооруженные силы на полностью добровольной основе оказались несостоятельными из-за отсутствия средств. Однако, наряду с этим в 2001 г. Словакия выработала свою первую стратегию национальной безопасности. Она строго выполняла требования ПДПЧ. Спустя пять лет после раскола Чехословакии и периода минимальных контактов с Прагой было активизировано военное сотрудничество и проведение учений с силами Чешской Республики.

Улрич также кратко рассматривает вопросы наследия первого премьер-министра независимой Словакии Владимира Мечиара, находившегося у власти до 1998 г. Она отмечает, что он был известен своей коррумпированностью. Вопрос коррупции всегда возникает при любом обсуждении проблем переходного периода в Центральной и Восточной Европе, но получить данные об этом предельно трудно. Поэтому писать по этой проблеме могут лишь некоторые аналитики. Антон Беблер - один из тех, кто пытается это делать. Ученый и бывший дипломат из Словении, он также является председателем Атлантического совета своей страны. Беблер написал главу под названием «Коррупция среди сотрудников силовых структур в Центральной и Восточной Европе» в книге «Армия и государство в посткоммунистической Европе» (Frank Cass, Лондон, 2001г.). В этой книге также имеется хорошая глава Димитара Димитрова о военной реформе и формировании военного бюджета в Болгарии. В статье Беблера анализируется влияние на этот процесс исторических факторов и приводится сводный перечень источников коррупции, опубликованных в печати, в том числе данные Отдела экономической разведки Европейского банка реконструкции и развития и организации «Транспаренси Интернернэшнл». Там проводится оценка условий несения службы и степени соблазна, а затем представлен список рекомендаций из десяти пунктов. Нельзя не отметить, что месячная зарплата офицеров в Центральной Европе колеблется от 300 до 1500 долл. США. В тоже время в беднейших странах

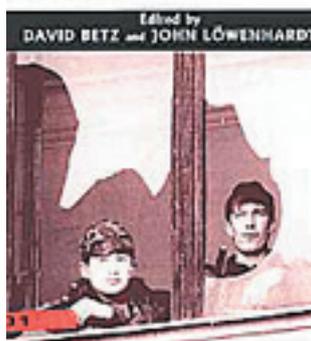
Юго-Восточной Европы и в некоторых частях бывшего Советского Союза такие же офицеры получают от 25 до 100 долл. США, причем в некоторых случаях и эти деньги им выплачиваются нерегулярно.

Большая часть конкретных примеров коррупции связана со странами бывшего Советского

Союза и Юго-Восточной Европы.

Автор не щадит и своей страны, приводя примеры парламентских расследований по вопросу поступлений от незаконной продажи оружия из Словении в другие бывшие югославские республики во время войны в Боснии и Герцеговине. В то время Словения находилась под эмбарго ООН на поставки оружия, которое было снято лишь после вступления в силу Дейтонского мирного соглашения с окончанием боснийской войны.

Army and State in Postcommunist Europe

Профессионализация вооруженных сил в Словении пошла по другому

направлению, чем в Румынии и Словакии.

Поэтому Форстер, Эдмундс и Котти объединяют Словению с Болгарией, Эстонией, Латвией и Литвой, так как все эти страны приняли «постнейтральную» модель структур вооруженных сил, основанных на сравнительно легко вооруженных силах территориальной обороны, опирающихся на большой резерв и небольшие танковые силы и/или силы для выполнения задач проекции мощи. Эта модель военной организации хорошо подходит малым государствам с ограниченными экономическими ресурсами и отсутствием богатых военных традиций. Цель военной стратегии этих государств заключается не столько в военном поражении предположительно намного превосходящего их противника, а в причинении максимального ущерба и затруднений противнику при вторжении и последующей оккупации страны.

Как отмечают преподаватели кафедры военных исследований Университета Любляны Игорь Котник-Двожмоч и Эрик Копач, на протяжении большей части девяностых годов Словения никак не могла смириться с решениями, принятыми сразу после ее десятидневной войны с Югославией в 1991 г. Более того, долгосрочная стратегия, определявшая численность и структуру вооруженных сил Словении, была принята только в 1999 г. Тем не менее, стремление Любляны вступить в НАТО - цель, которую большинство словенцев одобрили на референдуме 23 марта этого года - стала

значительным фактором, мотивирующим процесс реформ. Оно также привело к тому, например, что было создано специальное подразделение, 10-й моторизованный батальон, главной целью которого является участие в международном сотрудничестве.

Внешние факторы сыграли еще большую роль в создании вооруженных сил и процессе их профессионализации в республиках Балтии. Более того, в главе, посвященной Латвии, Ян Арведс Трапанс из Женевского Центра по вопросам демократического контроля над вооруженными силами отмечает: «Отсутствие координации и целесообразности в оказании помощи является важным вопросом, оказывающим влияние на дальнейшее развитие профессиональных вооруженных сил Латвии». Латвия, однако, сильно выиграла от участия других стран в этих процессах. В частности, и от назначения английского полковника латышского происхождения заместителем начальника генерального штаба, который находился на своем посту в период с 1994 по 1997 г. Более того, Латвия прошла большой путь со времени вывода советских войск, когда, как указано в докладе Парламентской Ассамблеи НАТО: «Все, что осталось после их ухода, было 26 затопленных подводных лодок и кораблей, из которых отовсюду текла кислота, масло и фосфор».

В статье Робертаса Сапронаса из литовского министерства национальной обороны, представляющей интерес, в частности, ввиду описания сопротивления литовцев советской власти в период до 1953 г., говорится о том, что бывшие эмигранты сыграли еще большую роль в Литве. Более того, после выборов 1996 г. целый ряд бывших офицеров США литовского происхождения был назначен на высокие посты, а в 1998 г. американка литовского происхождения была избрана президентом. Таким образом, некоторые военные структуры там были созданы по модели США. Вместе с тем, сосредоточение внимания в Словении и двух других республиках Балтии на создании сил и средств проецирования мощи и подготовке профессиональных военных кадров, что делалось частично в ответ на политический сигнал НАТО, способствовало созданию двухуровневых вооруженных сил и появлению напряженности в связи с проблемой распределением средств.

Ограниченность задач Болгарии по созданию потенциала проецирования мощи позволяет отнести ее к «постнейтральной» категории. Однако, как отмечает Лора Клири из Университета Крэнфилда, в отличие от республик Балтии

и Словении, Болгария при выполнении задач обороны своей национальной территории продолжает полагаться на относительно тяжело вооруженные формирования, а не на легкие силы территориальной обороны. Эта страна поздно начала продвижение по пути профессионализации армии и сопротивляется соблазну быстрых решений. Она отказывается от закупок военной техники, не способствующей непосредственно планам реформы, и выступает за среднесрочный и долгосрочный подходы. И в этом случае введение ПДПЧ обеспечило постановку более целенаправленных и четко определенных задач процесса военных реформ.

Стремление большинства государств Центральной и Восточной Европы вступить в НАТО позволило Североатлантическому союзу оказывать значительное влияние на оборонную политику этих стран. Форстер, Эдмундс и Котти отмечают в качестве одного из главных достижений Североатлантического союза за последнее десятилетие принятие этими странами ценностей НАТО и, особенно, развитие общего понимания сути демократического гражданского контроля над вооруженными силами и нормализации отношений между вооруженными силами и обществом. Однако они подвергают сомнению возможность будущей профессионализации вооруженных сил этих стран после вступления в НАТО. По их мнению, политическое давление в целях проведения военной реформы может уменьшиться наряду с уменьшением стремления политиков вкладывать дефицитные средства в профессионализацию армии. Более того, односторонний характер процессов реформы, в частности, создание специальных подразделений для участия в международном сотрудничестве и придание им приоритетности, может также означать, что общая эффективность вооруженных сил, как членов НАТО, так и не входящих в нее государств, может оказаться под угрозой.

Приглашение вступить в НАТО - это не окончание процесса, а его начало. Во всем регионе существует постоянная потребность расширения целостного подхода к военной реформе и профессионализации армии. Необходимо будет еще поставить вопросы о функциях вооруженных сил в обстановке после «холодной войны» и приемлемости конкретных моделей военной организации для выполнения этих функций. До тех пор, пока не будут решены эти вопросы, приглашенные страны не смогут играть влиятельную роль в Североатлантическом союзе, как этого хотелось бы и им самим, и существующим членам НАТО.

Генерал Джеймс Л. Джонс: Верховный главнокомандующий ОВС НАТО в Европе

Генерал Джеймс Л. Джонс - первый морской пехотинец, назначенный на пост Верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе и командующего силами США в Европе. 17 января этого года он сменил на своем посту генерала Джозефа В. Ралстона и стал четырнадцатым по счету ВГК ОВС НАТО в Европе. Под его командованием находятся силы НАТО в Европе, а также воинские контингенты более тридцати стран, участвующие в продолжающихся операциях под руководством НАТО в Боснии и Герцеговине и Косово. Генерал Джонс - ветеран войны во Вьетнаме. Он вырос во Франции и свободно владеет французским и английским языками.

Вестник НАТО: Вы первый морской пехотинец, назначенный на пост ВГК ОВС НАТО в Европе. Вы также первый ВГК ОВС НАТО в Европе, который вырос во Франции. Как это будет помогать Вам в работе на новом посту?

Генерал Джеймс Л. Джонс:

Я представитель сил, действующих с морских баз и готовых по приказу мгновенно собраться и отправиться на выполнение задания. По своей природе морская пехота - это экспедиционные силы и где бы нам ни пришлось шагать - наша поступь легка. И если это сослужит службу Североатлантическому союзу - тем лучше. Я вырос в Европе, и это дает мне хорошее понимание европейских приоритетов и того, как европейцы воспринимают мир. Я чрезвычайно ценю возможность быть здесь. Я хорошо себя чувствую в Европе. Мне нравится жить здесь, я стал сторонником НАТО еще в детстве, когда жил в Европе. Я высоко ценю достижения НАТО в XX веке и считаю, что мне повезло, что я смогу содействовать ее деятельности в XXI веке.

ВН: Чего Вам хочется достигнуть за время пребывания на посту ВГК ОВС НАТО в Европе, и какие Вы предвидите трудности?

ГДД: Я хочу содействовать тому, чтобы НАТО, сформировавшаяся в XX веке, превратилась в организацию, готовую к реалиям XXI века. Это - захватывающая задача. Станет ли НАТО региональной или глобальной силой - это, очевидно, будет зависеть от уровня инвестиций, на которые будут готовы пойти ее государства-члены. Моя роль заключается в том, чтобы давать хорошие военные советы Североатлантическому совету и государствам-членам о том, как лучше решать стоящие перед ними задачи.

(© SHAPE)

Мои возможные трудности будут, скорее всего, такими же, что возникают при работе в любой большой организации. НАТО состоит из государств-членов. В моей работе от меня потребуется способность формировать консенсус,

вести диалог и дискуссии, помогающие убедить людей в правильности избранного курса. Но так дело обстоит в большинстве демократических институтов власти. Необходимо понять правила организации, в которую вы входите, чтобы ориентироваться на них при достижении своих целей.

ВН: До того, как Вы стали ВГК ОВС НАТО в Европе, Вы участвовали в подготовке

к возможной военной кампании в Ираке. Какие опасности должны принимать в расчет разработчики военных планов на случай войны?

ГДД: При разработке военных планов необходимо всегда готовиться к худшему. Ведь, в конце концов, на карту ставится жизнь. Поэтому всегда необходимо выявить самый худший вариант и разрабатывать планы действий именно на такой случай. Самые большие трудности при подготовке к вторжению в Ирак определяются главной причиной, по которой нам может быть придется это сделать, в частности, угрозой оружия массового поражения. Вторая самая большая трудность будет, скорее всего, связана с действиями в больших городских районах. Я советовал тщательно продумать эти вопросы до того, как они станут реальной проблемой. Всегда можно надеяться на лучшее и думать, что конфликт, если он начнется, придет к быстрому разрешению. Но при этом надо иметь в кармане план «Б» на тот случай, когда события начнут разворачиваться не так, как вам этого хотелось.

ВН: Одной из самых масштабных инициатив, выдвинутых на пражском саммите, стала инициатива о создании Сил реагирования НАТО. Как вы рассматриваете возможности ее реализации?

ГДД: Силы реагирования НАТО должны состоять из трех компонентов. Первый компонент, собственно экспедиционные силы, должны быть сформированы быстро, как это предусмотрено решениями, принятыми в Праге. Такие силы можно сформировать из частей и подразделений уже существующих в Североатлантическом союзе и способных к действиям в особой обстановке. Они должны быть объединенными и включать в себя воздушные, сухопутные и морские силы и средства. Все они уже имеются в Североатлантическом союзе и, в принципе, дополнительная плата за их приобретение уже не потребуется. У этих сил должен быть штаб. У них должен быть учебно-тренировочный центр. Если в какой-то момент будет принято решение об их применении, эти силы должны быть хорошо оснащены и укомплектованы, иметь высокую боеготовность и способность к продолжительным автономным действиям. К счастью, создание таких сил не представляет большой трудности. Мы надеемся, что уже на июньской сессии министров обороны стран НАТО мы сможем объявить о создании основы, на которой будут действовать эти силы, а к осени этого года уже иметь некоторые боевые силы и средства.

Второй компонент Сил реагирования НАТО предназначен для применения в том случае, если для выполнения поставленной задачи у первого компонента будет недостаточно возможностей. Я бы охарактеризовал его не как экспедиционные силы, а скорее как силы быстрого развертывания, обладающие несколько большей мощностью. Для прибытия на ТВД им может требоваться больше времени, но потом их потенциал позволит выполнять более широкий круг задач. Третий компонент предназначается для использования в случае крупного регионального конфликта, когда необходим весь комплекс сил и средств. Простая геометрия треугольника для Сил реагирования НАТО, вершиной которого является экспедиционные силы, в середине находятся силы быстрого развертывания и внизу - силы усиления, представляется вполне логичной, как с точки зрения эффективного использования средств, так и с точки зрения факторов боевой готовности каждого из этих уровней. Нам необходимо обеспечить, прежде всего, то, чтобы эти силы действительно внушали уважение, а не были бы впечатляющими на бумаге.

ВН: В настоящее время идет реорганизация структуры органов военного управления НАТО. Какой Вы хотели бы видеть эту структуру?

ГДД: Мне хотелось бы, чтобы эти структуры обладали оптимальными военными возможностями и пригодностью, отражающими потребности структур военного управления в XXI веке, по сравнению с XX веком. Многие уже изменилось. Для эффективного решения задач нам больше не нужны огромные штабы с сотнями людей. В XXI веке командирам войск не нужно брать с собой все, потому что современные технологии обеспечивают действия на огромных расстояниях. Полностью меняется динамика этого процесса и нашей системе боевого управления силами необходимо меняться вместе с ней, чтобы повысить свою эффективность, боеготовность, способность к быстрому развертыванию и обладать еще большим, по сравнению с прошлым, потенциалом.

ВН: Что Вы понимаете под термином «Трансформационное командование»?

ГДД: Трансформационному командованию будет поручена задача обеспечения процесса преобразований на обеих сторонах Атлантики. Трансформация - это мостик, движение по которому будет идти для всех в обе стороны. В ней могут участвовать и европейцы, и американцы. Должна существовать общая «школа», в которой будут отбираться идеи и проводится последующая разработка и закупка систем, способствующих процессу преобразований.

Я считаю, что процесс трансформации имеет четыре характеристики. Первая - это использование достижений современных технологий, т.е. то, как понимает трансформацию большинство людей. Я бы также отграничил понятие трансформации от модернизации. Трансформация не может быть всем одновременно. С одной стороны она позволяет добиться того, что было раньше недостижимо, посредством приобретения новых средств, например, основанных на новых научных открытиях. С другой стороны, в результате инноваций становится возможным существенно преобразовать существующие средства. Возьмите, например, «интеллектуальное» оружие. Способность боеприпаса пролететь через окно и точно попасть в цель - это результат процесса трансформации, также как использование глобальной навигационной спутниковой системы позволило преобразовать военную деятельность на всех уровнях - от действий стрелкового отделения до использования спутников наблюдения.

Вторая характеристика - это преобразование концепции действий на поле боя. Сейчас уже явно реализованы принципы сетевого централизма в военном противоборстве. Инвестиции в создание «сетевых» средств и обеспечение возможностей максимально глубокого знания обстановки позволяют уменьшить состав полевых штабов. Сегодня пехотные роты могут выполнять задачи, которые еще двадцать лет назад выполняли целые батальоны. Это уже стало реальностью. Реформа организационных структур - это третий аспект преобразований. Крупные неповоротливые штабы, построенные по традиционной системе кирпичиков, ушли в прошлое. Штабов должно быть меньше. Они должны иметь облегченный и подвижный характер. Наконец, по моему мнению, таким как я, кто занимает руководящие посты, необходимо уметь ясно выражать свои мысли о будущем наших организаций, как в НАТО, так и в штабе ВГК ОВС НАТО в Европе, а также увязывать свои замыслы с рациональным использованием средств. Важно продемонстрировать, что мы можем эффективно использовать средства. Ведь нам требуется убедить людей в необходимости инвестиций в перемены. Это должно сопровождаться представлением хорошо продуманного плана с оценкой стоимости реализации таких замыслов.

ВН: Как в предстоящие годы может измениться дислокация войск США в Европе?

ГДД: Пока об этом рано говорить. Однако если по меркам трансформации судить обо всех наших силах, а не только о силах США, то становится ясно, что можно некоторые вещи делать иначе и за счет эффекта масштаба достигать экономии сил и средств. Это особенно касается инфраструктуры, так как теперь для повышения эффективности выполнения задач тыла в районе развертывания часть сил и средств тылового обеспечения все чаще выдвигается на передовые позиции действующих войск. Нам необходимы именно такие перемены. Мир, несомненно, стал тесным, так как сейчас можно быстро перемещаться с места на место и выполнять значительно больше задач при сокращенном численном и боевом составе войск. Это означает, что можно менять характер и места дислокации войск, сохраняя при этом наши прочные традиционные связи в Североатлантическом союзе.

ВН: Как Вы рассматриваете возможности совместной деятельности с Европейским союзом в практических ситуациях, как,

например, в бывшей югославской Республике Македонии* и других?

ГДД: Важно, чтобы силы, используемые для выполнения задач ЕС, совершенно не отличались бы от тех, что выполняют задачи НАТО, чтобы мы поддерживали использование стандартов и терминологии НАТО, а также ее нормативов учебно-боевой подготовки. Попытка дублировать эти силы и средства приведет к разрушающим последствиям. Что касается предстоящей операции в бывшей югославской Республике Македонии*, то не вижу каких-либо военных трудностей в нашей деятельности. Я и мой заместитель адмирал Райнер Файст постоянно работаем вместе, и я надеюсь, что эта операция будет успешной.

ВН: На пражском саммите семь стран получили приглашение вступить в НАТО. Какие Вы предвидите проблемы в процессе интеграции этих стран в структуры Североатлантического союза?

ГДД: Я буду впервые наблюдать за процессом такой интеграции. Однако НАТО уже сделала много выводов из опыта последнего тура расширения, и я не думаю, что возникнут какие-то непреодолимые проблемы. С точки зрения военного сотрудничества у нас за многие годы участия в программе «Партнерство ради мира» и Плана действий по подготовке к членству в НАТО уже сложились тесные связи с этими странами. Так что мы знаем характер предстоящей работы.

ВН: Пражский саммит подготовил политический фундамент для действий НАТО за пределами Евроатлантического региона. Какого характера задачи уже готов решать Североатлантический союз и где?

ГДД: Операция «ИСАФ-3», которая только что началась в Афганистане под руководством Германии при участии Голландии и Франции служит в данном случае хорошим примером. Это не классическая задача НАТО, но ключевые страны-участницы являются членами НАТО и пользуются терминологией НАТО, ее приемами и способами действий, а также силами и средствами. НАТО уже доказала, что в случае кризиса, имеющего гуманитарный характер или требующего миротворческих действий, у нее есть проверенный опыт его урегулирования. При соответствующем желании у НАТО могут быть силы и средства для выполнения всего круга задач военных операций в любой точке мира.

ВН: Какая внутренняя реформа НАТО может потребоваться, чтобы обеспечивать действия

за пределами Евроатлантического региона и при этом поддерживать сплоченность Североатлантического союза?

ГДД: Мы находимся в процессе структурной перестройки двух стратегических командований с целью создания одного командования для оперативных целей и одного для решений задач преобразований. Трансформационное командование станет именно тем органом, который будет служить средством привлечения государств к участию в диалоге по вопросам преобразований и адаптации своих вооруженных сил. Большую важность приобретет повышение инвестиций в системы командования, управления и разведки, в сохранение максимально универсального характера общих приемов и способов действий, а также предотвращение дальнейшего увеличения разрыва в военном потенциале. От таких людей как я и других руководителей НАТО зависит то, насколько ясно будет обоснована значимость такой работы. Хочу еще раз подчеркнуть, что это связано с более эффективным использованием наших ресурсов и прояснением способов их получения и расходования.

ВН: Как изменилась профессия военного за время Вашей службы, и какие навыки необходимы солдату в XXI веке?

ГДД: Произошли принципиальные перемены. 27 лет назад мы в США перешли от службы по призыву к полностью добровольным вооруженным силам. Тогда мы заложили основу масштабных перемен и сегодня наши военнослужащие стали, несомненно, самыми образованными, интеллектуально развитыми и боеспособными, по сравнению с теми, с которыми я когда-либо служил в вооруженных силах. Молодые люди, которые приходят сегодня в армию, очень талантливы, они точно знают, чем занимаются и становятся военными по обоснованным причинам. О такой службе мечтали те герои XX века, которые подарили нам мир, в котором мы сейчас живем. Но следует отметить, что характер современных вооруженных сил стал комплексным и техническим. Мы предъявляем к нашим молодым офицерам значительно более высокие требования, чем когда-либо. Процесс обучения солдат, офицеров и унтер-офицеров проходит поразительными темпами. Сегодня, например, никого не удивляет, если у унтер-офицера высшее образование. Среди офицеров нередко встречаются специалисты с докторской степенью. Чтобы успешно продвигаться по службе, современным офицерам необходимо знать не только свою военную специальность,

но и иметь навыки работы в смежных областях. Они должны уметь говорить, как минимум, на одном иностранном языке. Им также необходимо иметь хорошее представление о мире и понимать характер его развития, чтобы вносить в него свой вклад в зависимости от своего положения и мундира. Когда я хожу по зданию нашего штаба, я каждый день вижу примеры этого на международном уровне. Меня окружают чрезвычайно талантливые и преданные своему делу люди, которые вносят огромный вклад в Североатлантический союз, лучшие дни которого, по моему мнению, еще впереди. ■

* Турция признает Республику Македонию под ее конституционным названием.

Готовясь к вступлению в НАТО

Карел Кованда размышляет о том, чем может быть полезен чешский опыт вступления в НАТО семи странам, получившим приглашение вступить в Североатлантический союз на пражском саммите.

Торжества в семи странах, приглашенных вступить в НАТО на пражском саммите, были вполне заслуженными и свидетельствуют об их больших достижениях. Однако, если чешский опыт чего-то стоит, то участникам последнего тура расширения НАТО все еще предстоит преодолеть на своем пути немало препятствий.

Современная ситуация после пражского саммита отличается от той, когда Венгрия, Польша и Чешская Республика получили приглашения вступить в НАТО на мадридской встрече в верхах в июле 1997 г. Прежде всего, у всех семи стран имеется определенное преимущество благодаря их участию в выполнении Плана действий по подготовке к членству в НАТО (ПДПЧ). Тем не менее, здесь есть достаточно много параллелей и наш опыт подготовки к вступлению в НАТО в период присоединения к Вашингтонскому договору, создания дееспособных представительств и обеспечения надлежащего режима секретности используемой информации и деятельности сотрудников, может быть полезен для новых стран.

При первом после «холодной войны» туре расширения НАТО за приглашениями последовало четыре раунда переговоров о присоединении. Они охватывали вопросы политики и экономики, военной реформы, ресурсов и безопасности, обсуждение которых завершилось подписанием протоколов о присоединении. Процесс ратификации завершился в декабре 1998 г., однако потребовалось еще три месяца, прежде чем мы официально стали членами Североатлантического союза в марте 1999 г. Более того, нам по-прежнему все еще не удалось

полностью преодолеть собственные трудности роста.

Перед мадридским саммитом было несколько раундов переговоров, в ходе которых Прага и Брюссель ближе познакомились друг с другом. После мадридской встречи наши переговоры

стали более активными, и на них уже не было возможности оговаривать какие-либо условия. В состав нашей делегации входили эксперты министерств иностранных дел и обороны, а также финансов и внутренних дел. Перед каждым раундом переговоров представители НАТО направляли нам вопросники. Затем мы готовили подробные письменные ответы и представляли их на соответствующем заседании. При этом мы

также выступали с кратким устным изложением наших документов и отвечали на дополнительные вопросы.

По нашему опыту совместная работа с двумя другими приглашенными странами - Венгрией и Польшей, оказалась особенно полезной. Так как даты каждого раунда переговоров о присоединении шли друг за другом, то страна, проводившая их первой, делилась затем своими впечатлениями с другими двумя.

Переговоры о присоединении

В этот раз будет проводиться только два раунда переговоров о присоединении. Это объясняется тем, что многие области деятельности были уже рассмотрены в процессе выполнения ПДПЧ. Подписание протоколов запланировано на конец марта 2003 г., после чего у 19 нынешних членов НАТО и всех приглашенных стран останется немного больше года на ратификацию документов о присоединении к Вашингтонскому договору, а весь процесс должен завершиться к следующему саммиту НАТО в мае 2004 г.

Церемония вступления в НАТО: вступление Чешской Республики в НАТО было задержано на три месяца, так как ей было необходимо выполнить связанные с этим «Минимальные военные требования». (© NATO)

Карел Кованда - постоянный представитель Чешской Республики в НАТО.

Процесс ПДПЧ предполагал добровольное принятие и реализацию странами рекомендаций НАТО. Однако возможно появление вопросов, решения которых НАТО будет требовать от стран в качестве своих членов. В нашем случае на последнем этапе ратификации возник целый ряд таких вопросов. К ним относились вопросы совместимости наших средств со средствами ПВО НАТО, а также законов, позволяющих оказывать эффективное содействие в соответствии со статьей 5 Вашингтонского договора, посвященной коллективной обороне. Нам пришлось проделать большую работу для выполнения этих, так называемых, «Минимальных военных требований», хотя они явно выходили за рамки чисто военных вопросов. Именно поэтому возникла трехмесячная задержка между декабрем 1998 г. и мартом 1999 г., прежде чем мы смогли подписать Вашингтонский договор.

Одним из вопросов в ходе переговоров о присоединении стала величина нашего взноса в бюджеты НАТО - гражданский, военный и по инвестициям в обеспечение безопасности. Этот процент рассчитывался экономистами НАТО на основе валового внутреннего продукта и соображений паритета покупательной способности и утверждался Североатлантическим советом. Затем эти величины были представлены нам на условиях, не подлежащих обсуждению.

В случае Чешской Республики наш взнос в каждый из трех бюджетов равен 0,9%. Это составляет приблизительно 15 млн. евро в год. Эти взносы и затраты на содержание представительства и офицеров в структуре органов военного управления НАТО являются единственными реальными прямыми расходами, связанными с членством в НАТО. Все другие расходы носят либо добровольный характер, либо требуются в любом случае, независимо от членства страны в НАТО.

После завершения переговоров мы направили генеральному секретарю письмо, в котором подтверждалась наша заинтересованность во вступлении в НАТО. Переговоры завершились, и мы стали свидетелями подписания министрами государств-членов НАТО отдельных протоколов о присоединении каждой из стран на совместной

церемонии в Брюсселе. После подписания протокол о присоединении подлежал одобрению всеми государствами-членами. Для этого процесса требовалось много времени и, как правило, была необходима ратификация парламентом.

Создание действенного представительства

Нашей стране также было необходимо

Период ратификации необходимо использовать для активного подбора сотрудников

ратифицировать документ о своем вступлении в НАТО. Можно было при этом ждать завершения процесса ратификации всеми 16-ю тогдашними членами НАТО, а затем принять свое собственное национальное законодательство. Однако это замедлило бы весь процесс на несколько недель. В итоге мы приняли «условное» законодательство, по сути дела разрешающее кабинету министров принять приглашение вступить в НАТО, «если такое приглашение

поступит». У каждой из стран существуют свои, слегка различающиеся процедуры. В случае Чехии процесс завершился подписанием президентом Вацлавом Гавелом ратификационных грамот. Чтобы избежать ситуации, когда одна страна станет членом НАТО раньше двух других и затем окажется в положении, требующем ратификации документов об их присоединении, подобные мероприятия были одновременно проведены в Будапеште и Варшаве.

В ходе процесса присоединения было крайне необходимо усилить наше представительство в НАТО. Это весьма трудная задача и ошибки, совершенные на этом этапе, могут сказываться на деятельности представителей страны в будущем. Все делегации-представительства состоят из политической секции, в которой работают дипломаты, обычно направляемые министерством иностранных дел, и советники по вопросам обороны, как правило, гражданские эксперты из министерства обороны, и военной секции, состоящей из офицеров.

Трудности возникают уже при создании внутренней структуры представительства. Как, например, организовать совместную работу дипломатов, советников по вопросам обороны и военных? Какие механизмы должны обеспечивать взаимодействие всех составных частей представительства, чтобы они не занимали разные позиции в различных комитетах? Как добиться того, чтобы постоянный представитель был в курсе дел всех сотрудников, не рискуя при

этом утонуть в деталях? Все эти вопросы имеют огромную важность, и каждое из представительств решает их по-разному.

В случае Чехии, мы считали целесообразным оформить законодательным актом основы внутренней работы нашего представительства, определив, например, отношения между сотрудниками, откомандированными разными министерствами, подчиненными им и получающими в них свою зарплату. До опубликования этого законодательного акта в Праге прошло широкое обсуждение его положений, особенно между министерствами иностранных дел и министерством обороны. Он был впервые составлен в первой редакции во время создания чешской миссии при НАТО и затем видоизменен, когда мы стали полноправными членами Североатлантического союза, что отражало наше новое положение и опыт, накопленный в промежуточный период.

Период ратификации необходимо также использовать для активного подбора сотрудников. Во время подписания протокола о присоединении чешская миссия при НАТО насчитывала меньше десяти штатных сотрудников и состояла из советника по вопросам обороны, военного представителя, секретаря, водителя, нескольких дипломатов и посла. Одной из моих первых неотложных задач стало доукомплектование штата миссии.

Одной из причин такой срочности стало то, что в противовес нашим ожиданиям НАТО сразу предоставила нам возможность участия в большинстве комитетов. Более того, уже через несколько недель после подписания протокола о присоединении мы оказались в положении, когда нам едва удавалось справляться с числом получаемых приглашений на заседания, где рассматривались все те вопросы, для рассмотрения которых у нас имелся допуск. Хотя мы официально участвовали в них в статусе наблюдателей, это не мешало нашим представителям выступать на этих заседаниях. Трудности с присутствием на заседаниях возникали только при участии в них третьих сторон, что также требовало соглашения с третьей стороной. В конце концов, мы стали участниками всех подобных заседаний, за исключением Совместного постоянного совета, где союзники по НАТО проводили встречи с представителями Российской Федерации.

Вывод из этого ясен. Новые страны, скорее всего, смогут участвовать в структурах НАТО еще

до того, как высохнут чернила на протоколах о присоединении. Так как это крайне важный опыт, то им следует как можно скорее усилить состав своих миссий.

Следует отметить, что до тех пор, пока страна не становится официальным членом НАТО, ее представительство называется «миссия». После вступления в НАТО они могут переименовать свою «миссию» в «делегацию». Одновременно с этим сокращение, используемое в НАТО для обозначения государств-партнеров, состоит из трех букв, в то время как для членов НАТО оно включает две буквы. Поэтому сокращение CZE, обозначающее Чешскую Республику, было изменено на CZ.

Чешская делегация состоит теперь из пятидесяти человек, в том числе дипломатов, советников по вопросам обороны, военных и вспомогательного персонала. Ее численность примерно соответствует нашим потребностям. Хотя по численности некоторые делегации меньше нашей. При комплектовании делегаций важно найти компетентных работников, свободно говорящих хотя бы на одном из двух рабочих языков Североатлантического союза и имеющих необходимый допуск. Это – жесткие критерии, и мне приходится вести постоянную борьбу за поддержание полной укомплектованности кадрами нашей делегации.

Вопросы сохранения тайны

Еще труднее найти квалифицированных военных сотрудников представительства. Это вызвано тем, что военным необходимо находить таких офицеров, которые в дополнение к своей компетенции, знанию иностранных языков и наличию допуска, имеют соответствующее воинское звание. Более того, они должны занимать должности не только в чешской делегации и нашем представительстве в штабе Верховного главного командования объединенных вооруженных сил НАТО в Европе в г. Монс (Бельгия), но также и десятки других должностей в различных командованиях ОВС НАТО. В настоящее время проводится пересмотр структуры органов управления ОВС НАТО и последним этапом этого будет чрезвычайно трудный процесс соотнесения потребностей и возможностей, при котором будут определяться, наряду с другими вопросами, должности, которые будут предположительно занимать военнослужащие из приглашенных стран. В дополнение к этому, Международный военный штаб НАТО комплектуется кадрами в соответствии с национальными квотами.

Для многих из стран, приглашенных в последнем туре, задача поиска квалифицированных сотрудников для комплектования делегации, может оказаться еще более сложной. Это вызвано тем, что пять из семи новых приглашенных стран будут вступать в Европейский союз примерно в то же время, когда будет завершаться процесс ратификации документов о вступлении в НАТО. В дополнение к усилению своих представительств в НАТО им потребуется расширять и свое присутствие в ЕС.

Невозможно переоценить важность хорошо составленных законов о национальной безопасности. В НАТО существуют стандартный руководящий документ, который можно просто перевести и принять в своей стране. Однако по историческим причинам чешское законодательство оказалось более строгим, чем минимальные требования НАТО. В результате этого процесс проверки кандидатов на должность оказался весьма продолжительным. Планирование сроков ротации дипломатов и военных на должностях, связанных с НАТО, превращается в несоразмерно долгий и сложный процесс, по сравнению с планированием замещения других должностей в наших представительствах за рубежом. Более того, возникают дополнительные трудности при необходимости сертификации аппаратуры связи и национальных промышленных предприятий для работы с НАТО.

Для дееспособности делегации важнейшее значение имеет защищенная связь, так как в НАТО для засекречивания документов применяются различные степени секретности, от «Для служебного пользования» до «Секретно», «Совершенно секретно» и выше. При работе в НАТО мы пользуемся системой «Минерва», для получения документов, имеющих гриф от «Совершенно секретно НАТО» и ниже, которые отправляются в Прагу по системе «Кронос». Однако каждой делегации предстоит самой решать вопрос организации связи и потоков документов со своей руководящей инстанцией или несколькими такими инстанциями. Для этого требуется внимательно подойти к созданию если не единой, то, по меньшей мере, совместимой системы связи, как для политической, так и для военной части делегации. Это нелегкая задача. Ведь каждой властной структуре хочется иметь свою систему и ожидается, что другие будут переходить на ее использование.

Честно говоря, нам еще предстоит найти

идеальный способ организации наших потоков документов. Мы знаем, как относительно эффективно принимать документы и передавать их в нашу столицу. Однако до настоящего времени у нас имеются огромные трудности с передачей документов НАТО в посольства в третьих странах. Нет необходимости говорить о том, что большие объемы полезной информации, имеющейся в НАТО, остаются неиспользованными и это снижает уровень эффективности нашей дипломатической службы.

Вопросы организации связи тесно связаны с работой с документами. Через нашу канцелярию ежегодно проходит от 25 до 30 тыс. документов. Потребовалось время, прежде чем мы упростили нашу сложную систему, создав единую канцелярию для военных и гражданских целей, но теперь мы рады единой нумерации документов для обеих частей делегации. Дело в том, что хотя все документы НАТО уже пронумерованы, им даются еще и чешские номера. На каждом этапе этой работы необходимо объективно учитывать соображения безопасности и здравого смысла. Это подчеркивает важность связи и координации в работе с различными частями делегации, как по административным делам, так и по существенным вопросам.

Ясно, что предстоящие годы будут трудными для приглашенных стран, также как последние несколько лет были трудными для Чешской Республики. Однако трудности этой работы будут оправданы высшей наградой - созданием дееспособного представительства в НАТО. Ведь членство в НАТО - это великое национальное достижение для всех наших стран. ■

Задачи Румынии

Адриан Поп анализирует задачи Румынии - страны, стремящейся в будущем вносить достойный вклад в деятельность Североатлантического союза.

Приглашение Румынии начать переговоры о присоединении к НАТО, наряду с другими шестью странами Центральной и Восточной Европы, было вполне справедливо провозглашено национальным триумфом. Однако Бухаресту предстоит еще большая работа для того, чтобы подготовиться к вступлению в НАТО в мае 2004 г. и с первого дня вносить достойный вклад в ее деятельность.

Выполняя международный долг: более 1000 румынских военнослужащих служат за пределами своей страны. (© SFOR)

Несомненно, членство Румынии в НАТО сразу принесет ей определенные выгоды. Совместно с Болгарией Румыния будет способствовать укреплению южного фланга Североатлантического союза, образуя сухопутный мостик между Венгрией и Турцией; улучшит доступ НАТО к районам ее операций по поддержанию мира на Балканах; повысит региональное сотрудничество и стабильность в Юго-Восточной Европе. Участие Болгарии и Румынии в НАТО также усилит присутствие НАТО вокруг Черного моря.

Румыния стала первой страной, присоединившейся к программе «Партнерство ради мира» в январе 1994 г., так что можно сказать, что она реально готовилась к вступлению в НАТО почти в течение десяти лет. Таким образом, Бухарест выразил поддержку всеобъемлющему подходу НАТО к обеспечению безопасности, представленному в стратегической

концепции Североатлантического союза и приверженность его усилиям, направленным на уменьшение угроз распространения оружия массового поражения и средств его доставки.

Настоящий период до мая 2004 г., когда планируется завершить процесс ратификации, будет особенно важным для подготовки Румынии к вступлению в НАТО. Решение пригласить Румынию начать переговоры о присоединении к НАТО, принятое на пражском саммите, уже резко повысило ее уверенность в собственных силах и создало позитивную динамику, которую необходимо использовать для продолжения военной реформы. В этом отношении требуется уделить особое внимание военному планированию, правовым вопросам, гражданскому чрезвычайному планированию, защите секретов, преобразованию оборонной промышленности в промышленные отрасли обеспечения безопасности и обороны и адаптации их к новой обстановке безопасности.

Ход структурной перестройки

В вооруженных силах Румынии продолжается структурная перестройка в соответствии с имеющимися программами под названием «Программа сил-2003» и «Цель сил-2007», направленными на повышение их боевого уровня и эффективности. В соответствии с будущей организационной структурой состав вооруженных сил, который будет включать в себя регулярные и территориальные войска, предполагается привести в соответствие с имеющимися финансовыми средствами. На случай возможного конфликта в будущем в ней предусматривается создание сил и средств быстрого реагирования, позволяющих выиграть время, необходимое для наращивания сил за счет территориальных войск и вмешательства союзников по НАТО. Особое внимание будет уделяться боевым горным, воздушно-десантным, авиационным, артиллерийским, военно-морским и пехотным частям и подразделениям.

В Планах действий по подготовке к членству в НАТО (ПДПЧ) усилия Румынии сосредоточены на повышении оперативной совместимости своих сил, выделенных для участия в операциях по поддержанию мира и ст. 5 Североатлантического договора, с силами НАТО. Другой важной целью

Адриан Поп - профессор бухарестского Университета им. Дмитрия Кантемира и директор по вопросам научной работы фонда «ЕВРИСК».

является повышение их способности к быстрому развертыванию и длительному автономному выполнению задач. Приоритет отдается учебной подготовке, в том числе практической подготовке по иностранным языкам и повышению боевой готовности в соответствии со стандартами НАТО.

В этой связи Румыния уже выделила ряд частей и подразделений для участия в операциях по коллективной обороне и других операциях Североатлантического союза, включая поддержание мира, реагирование на кризисы и боевые операции. Все силы, выделенные для выполнения задач коллективной обороны или операций по программе «Партнерство ради мира» также готовы к участию, на разовой основе и при необходимости, в операциях на румынской территории или за ее пределами. Более того, Румыния полна решимости участвовать во всех новых структурах сил НАТО, включая Силы реагирования.

Из комплекса воинских формирований, выделенных для операций по поддержанию мира, Румыния уже может обеспечить действия на ТВД двух батальонов в течение шести месяцев и прилагает огромные усилия, чтобы повысить свои возможности. Более того, она уже превзошла этот уровень в результате своего участия в международной кампании по борьбе с терроризмом и развертывания румынского контингента в Афганистане. В контингентах, развернутых за границей, в настоящее время служит более 1000 румынских военнослужащих, не считая тех, кто выделен в стратегический резерв СФОР/КФОР. Уже к концу года Румыния должна быть в состоянии развертывать и обеспечивать формирование для проведения операций за границей численностью 1500 человек. Вместе с тем, при подготовке своего вклада в НАТО вооруженным силам Румынии необходимо уделять главное внимание так называемым нишам военного потенциала - горным частям, военной полиции, средствам разминирования, подразделениям военной разведки, а также объектам инфраструктуры для проведения воздушных, морских и сухопутных операций.

Для выполнения задач военного планирования в Румынии уже имеется система, совместимая с принципами НАТО, и теперь предпринимаются меры по подготовке к выполнению строгих

требований к планированию строительства объединенных вооруженных сил НАТО. Это предполагает совершенствование процесса принятия решений при четкой увязке ответственности, возложенной на Румынию в связи с членством в НАТО, с ее ограниченными ресурсами. Таким образом, оборонный бюджет Румынии теперь увязан с прогнозами ВВП и основывается на обязательстве правительства обеспечить надлежащий уровень расходов на оборону.

Решение пригласить Румынию начать переговоры о присоединении к НАТО уже резко повысило ее уверенность в собственных силах

Как только Румыния станет полноправным членом Североатлантического союза, ей будет необходимо иметь дееспособное национальное представительство в НАТО, а ее представители должны будут занять ряд должностей в политических и военных структурах Североатлантического союза. Подбор соответствующих работников, обладающих необходимым знанием иностранных языков, опытом и квалификацией для выполнения этих задач будет нелегким делом. Для этой цели в министерстве иностранных дел

создана комиссия для координации этого процесса и отбора в резерв гражданских служащих, офицеров и унтер-офицеров, обладающих необходимыми качествами.

В дополнение к этому Национальной школой политических и административных исследований в Бухаресте в сотрудничестве с Оборонным колледжем НАТО и Европейским центром исследований в области безопасности им. Джорджа С. Маршалла с января этого года организована учебная Программа для руководящих работников НАТО. На этих курсах ведется подготовка гражданских и военнослужащих к работе, связанной с НАТО, и на должностях в Североатлантическом союзе. С лекциями там выступают государственные должностные лица, иностранные ученые, а также преподаватели румынских вузов и Национальной школы.

Несмотря на это, в румынских вооруженных силах необходима кардинальная перестройка работы с кадрами в соответствии с передовым опытом НАТО. Для этого потребуется совершенствование структур работы с военными кадрами, реформа систем комплектования и обучения кадров, а также создание лучших профессиональных перспектив для унтер-офицеров. Значительное

сокращение центральных структур будет достигнуто за счет ликвидации ненужных подразделений связи, тыла и административно-хозяйственного обеспечения, а также избыточных объектов, складов и учебных заведений, реорганизации системы румынского военного образования и уменьшения числа имеющихся объектов инфраструктуры.

Подготовка к вступлению в НАТО - это многоаспектный межправительственный и межведомственный процесс. Поэтому важнейшее значение приобретают горизонтальные контакты между государственными должностными лицами и различными силовыми структурами. К сожалению, было много случаев, когда подразделения одного и того же министерства не знали о своих обязанностях и видах деятельности, а различные министерства, отвечающие за вопросы обеспечения безопасности и обороны, получали разные указания по вопросам, вызывающим общую озабоченность. Были случаи, когда администрация президента и правительство выступали с разными заявлениями по ключевым вопросам внутренней политики.

Вопросы, ставившие под угрозу шансы Румынии на вступление в НАТО - коррупция, слабая экономика и остаточное влияние сотрудников тайной полиции коммунистической эпохи в силовых структурах - все еще сохраняют свою актуальность. Бухаресту необходимо более настойчиво бороться с коррупцией, а не просто делать широкие жесты для иностранной аудитории. Со своей стороны западным странам необходимо пересмотреть сложившуюся тенденцию терпимого отношения к коррумпированным руководителям, готовым продвигать решение вопросов в нужном направлении. Если Румынии не удастся улучшить свои экономические показатели, то она не сможет обеспечить ни потребности нынешней военной реформы, ни современных уровней расходов на оборону. Следует также решить вопрос о сотрудниках тайной полиции «Сикуритате», все еще остающихся на руководящих постах, чтобы у союзников по НАТО была уверенность в способности Румынии сохранять в тайне секретную информацию.

Так как членство в НАТО затрагивает все румынское общество, то в поддержании динамики евроатлантической интеграции Румынии большую роль призвано сыграть гражданское общество. Массовые неправительственные организации, выступающие как независимые структуры, должны оказывать давление на органы власти, побуждая

их укорять темпы военной реформы, указывать на возможные проблемы в этом процессе, следить за выполнением различных программ, связанных с НАТО, использовать факты в обеспечении и сохранении поддержки членства в НАТО.

Со своей стороны органы власти должны работать вместе с неправительственными организациями, занимающимися вопросами обеспечения безопасности, информируя их об инициативах правительства, консультируясь с ними, поручая им проводить исследования по контракту, а также активно вовлекая их в процесс содействия евроатлантической интеграции. Формирование новой культуры обеспечения безопасности, основанной на подлинном партнерстве между правительством и гражданским обществом, приведет к более глубокому осознанию населением необходимости активного участия в противодействии новым угрозам безопасности.

Это имеет особую важность, так как широкое обсуждение общественностью вопроса значимости присоединения к НАТО и изменения обстановки безопасности еще только предстоит. Такие вопросы как перестройка вооруженных сил и последствия их сокращения, модернизация и профессионализация требуют надлежащего обсуждения. Также подлежит обсуждению вопрос о реформе оборонной промышленности в целом и ее связи с коммерческой деятельностью. Для поддержания долгосрочных обязательств необходимо, чтобы население Румынии высоко ценило ее вклад в операции по поддержанию мира, знало о состоянии программ интеграции НАТО и возможностях, возникающих в связи с членством в Североатлантическом союзе.

Террористические акты, совершенные в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г., существенно изменили наше восприятие мира и, помимо прочего, повысили осознание сложности новой обстановки безопасности. Новые угрозы и, в частности, угроза терроризма, размыли границы между внутренней и внешней безопасностью. Поэтому Румынии, также как и многим другим странам, необходимо провести широкомасштабный пересмотр разделения труда между правоохранительными и разведывательными ведомствами, а также между службами внутренней и внешней разведки. Необходимо также активно содействовать межведомственному сотрудничеству силовых структур и добиваться перемен в оборонных НИОКР, отводя главное место высокотехнологическим системам разведки.

Современные угрозы безопасности - терроризм, распространение оружия массового поражения, бесконтрольное распространение стрелкового и легкого оружия, незаконный оборот наркотиков и ядерных материалов, нелегальная миграция, коррупция, отмывание денег, стихийные бедствия, истощение запасов воды, нефти и газа - невозможно надежно отразить без взаимодействия между военными и гражданскими институтами власти. Более того, только при надлежащем партнерстве между военным и гражданским секторами возможно надежное решение таких вопросов, как организация пограничного контроля, безопасность на транспорте, обеспечение общественного порядка, предотвращение гражданских волнений, гражданская оборона и готовность к ликвидации последствий стихийных бедствий.

Необходимость такого партнерства тем более очевидна в борьбе с терроризмом. Более того, уязвимость важнейших объектов инфраструктуры реально требует создания целевой группы частного сектора по предотвращению террористических актов. В ее состав должны войти эксперты по финансовым вопросам, специалисты по ЭВМ, ученые, биохимики, физики и другие высококвалифицированные специалисты. Они должны быть готовы к сотрудничеству с многочисленными частными фирмами, занимающимися вопросами безопасности, чтобы предотвращать события, подобные тем, что произошли 11 сентября 2001 г. После пражского саммита также приоритетными должны стать вопросы подготовки и реализации эффективного партнерства между государственным и частным секторами и оказания содействия ему как на государственном, так и неправительственном уровнях.

Сотрудничество с соседями

В преддверии пражского саммита Болгарии и Румынии удалось убедить Грецию и Турцию поддержать их кандидатуры и от их имени лоббировать другие государства-члены. Они добились этого, убедив Анкару и Афины в том, что вступление Болгарии и Румынии в Североатлантический союз приведет к укреплению южного фланга НАТО, ослаблению региональной напряженности между двумя сторонами, отвечающему интересам обеих стран и НАТО в целом.

Сотрудничество, налаженное между Болгарией и Румынией, а также и всеми этими четырьмя странами, не должно прекращаться после получения приглашения вступить в

НАТО. Напротив, оно должно усиливаться. Болгария и Румыния должны поднять свое военное сотрудничество на новый уровень и взаимодействовать в таких областях, как создание совместных сил и средств и содействие региональному сотрудничеству. Даже до того, как рассматривать вопросы функциональной специализации и ниш военного потенциала в рамках НАТО, этим двум странам следует начать создавать общие силы и средства НАТО. Такое сотрудничество может также включать в себя более широкое участие в операциях по урегулированию кризисов, в том числе совместные инициативы в Юго-Восточной Европе и увязку систем воздушного наблюдения двух стран. Таким образом, Бухарест и София смогут продемонстрировать всем, что вместе они могут содействовать улучшению обстановки безопасности в регионе, характеризовавшемся наибольшей неустойчивостью в девяностые годы прошлого столетия.

Содействие реализации предполагаемого строительства совместных греко-турецких нефтепроводов и газопроводов из региона Каспийского моря в Западную Европу может углубить сотрудничество между Болгарией, Грецией, Румынией и Турцией. Такие трубопроводы будут, скорее всего, проходить также через территории Болгарии и Румынии, создавая, таким образом, новый аспект энергетической безопасности в четырехсторонних отношениях.

После долгих и напряженных усилий, направленных на получение приглашения начать переговоры о присоединении к НАТО на пражском саммите, в Румынии может возникнуть самоуспокоенность. Однако процесс ратификации нельзя рассматривать как нечто само собой разумеющееся. В предстоящие месяцы вопросы продвижения Румынии в решении стоящих перед ней проблем и реформе структур в соответствии с собственной трансформацией НАТО для повышения готовности к отражению новых угроз безопасности станут предметом тщательного рассмотрения. С точки зрения НАТО создание специализированных частей и подразделений может внести свой вклад в общее упрочение евроатлантической безопасности, а налаживание подлинного партнерства между частным и государственным секторами в области безопасности должно значительно повысить шансы Румынии стать не только полноправным, но также активным и ответственным членом НАТО. ■

Расширение возможностей европейских стран в области дозаправки самолетов в воздухе.

Фредерико Трилло-Фигуэра Мартинес-Конде рассказывает о том, как Испания возглавила работу по созданию парка самолетов-заправщиков, что позволит ликвидировать дефицит средств дозаправки самолетов топливом в воздухе.

В последние годы и НАТО, и Европейский союз озабочены дефицитом важнейших средств - в том числе средств дозаправки самолетов в воздухе, высокоточных боеприпасов и стратегического транспорта. Для ликвидации этого дефицита страны по-новому объединяют свои силы, чтобы повысить свои возможности в этих областях. Испания выступает в качестве ведущей страны в консорциуме из девяти государств, работающих над созданием парка самолетов-заправщиков.

Самолеты-заправщики требуют больших затрат, но они играют важнейшую роль в обеспечении топливом других самолетов при перебросках войск на большие расстояния. Поэтому в США имеется более 700 самолетов-заправщиков. Нехваткой таких самолетов в Европе объясняется один из недостатков сил и средств, имеющихся в ЕС. Это может также подорвать способность НАТО реагировать на кризисы. По этой причине Бельгия, Венгрия, Дания, Испания, Италия, Люксембург, Норвегия, Польша и Португалия и договорились на пражском саммите НАТО рассмотреть пути ликвидации такого дефицита в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Как Европейский союз, так и НАТО провели анализ причин, объясняющих нехватку средств дозаправки самолетов в воздухе, с целью поиска способа его последующей ликвидации. В НАТО Группа высокого уровня под председательством Нидерландов провела первое исследование

причин нехватки самолетов-заправщиков в рамках Инициативы об оборонном потенциале НАТО, программы повышения потенциала Североатлантического союза, принятой на высоком уровне.

Дефицит средств: нехватка в Европе самолетов-заправщиков может поставить под угрозу способность НАТО реагировать на кризисы. (© NATO)

В последнее время усилия по улучшению возможностей европейских стран в области дозаправки самолетов в воздухе активизировались в связи с принятием Плана действий по повышению европейского потенциала (ЕКАП) в рамках Политики ЕС по вопросам европейской безопасности и обороны. В рамках ЕКАП были созданы межведомственные целевые группы экспертов, известные под названием «Целевые

группы ЕКАП», которые занялись наиболее серьезными вопросами существующего дефицита средств. В их число входит также Целевая группа по дозаправке самолетов в воздухе, в которой совместно с представителями отраслей промышленности работают представители девяти государств-членов ЕС под руководством Испании и Италии. Их задача - изучение экономических способов увеличения числа самолетов-заправщиков в Европе.

Не допустить дублирования усилий

Стремясь избежать дублирования усилий и создать возможности для их взаимного подкрепления, Европейский союз работает над выполнением ЕКАП совместно с НАТО и ее агентствами. Аналогично этому, принимая пражское «Обязательство о потенциале», новую инициативу в области повышения военного потенциала, министры обороны стран НАТО приняли решение о том, что эта новая инициатива должна способствовать «достижению взаимного

Фредерико Трилло-Фигуэра Мартинес-Конде - министр обороны Испании.

усиления соответствующей деятельности в рамках ЕКАП и ее полной прозрачности, учитывая важность духа открытости и соблюдения автономии обеих организаций в рамках разрабатываемых форм и методов». Необходимость подкрепления друг друга особо важна в деятельности, связанной с многосторонним сотрудничеством. Для облегчения этой работы на пражской конференции по многостороннему сотрудничеству, проведенной в сентябре 2002 г., особое внимание обращалось на то, чтобы функции ведущей страны НАТО в многонациональной деятельности поручались тем же странам, на которых уже возложены аналогичные задачи в ЕС. По этой причине Испания взяла на себя роль ведущей страны по вопросам дозаправки самолетов в воздухе.

Хотя Европейский союз и НАТО уже определили совместные решения проблем общего дефицита, они придерживаются разных подходов к этим проблемам и продолжают работать исходя из разных политических и стратегических основ. Военное планирование НАТО отражает цели и средства решения этих проблем, определенные в стратегической концепции Североатлантического союза. Правительства стран НАТО ежегодно отвечают на вопросник по вопросам военного планирования и представляют в Североатлантический союз свои планы строительства вооруженных сил и расходов на оборону на ближайшие пять лет, которые затем рассматриваются и приводятся в соответствие с целями строительства объединенных вооруженных сил НАТО. В ходе этого процесса командующие стратегическими командованиями НАТО - верховный главнокомандующий ОВС НАТО в Европе и верховный главнокомандующий ОВС НАТО на Атлантике - способствуют определению потребностей в силах и средствах на основе своих оперативных потребностей и поставленных перед ними задач.

В настоящее время у Европейского союза отсутствует стратегическая концепция, позволяющая придать соответствующую форму политическому решению, принятому в Хельсинки в 1999 г. о развитии конкретных видов военных сил и средств. В результате этого потребности

в силах и средствах определялись посредством разработки типовых сценариев, охватывающих весь спектр гуманитарных и спасательных миссий, операций по поддержанию мира и реагированию на кризисы (так называемые «Петербургские задачи»), а затем эти сценарии включались в «Каталог хельсинкской приоритетной цели». Дефицит образовался за счет разницы между этими потребностями и различными национальными вкладами в эту программу.

Нехватка самолетов-заправщиков может подрывать способность НАТО реагировать на кризисы

Нехватка средств дозаправки самолетов в воздухе существенно ограничивает оперативный потенциал Европейского союза и его будет трудно ликвидировать в краткосрочной перспективе. Это объясняется тем, что для реализации обычных программ закупок потребуется много лет, прежде чем появятся необходимые результаты. Более того, даже если переоборудовать существующие транспортные самолеты в

заправщики, то и на это потребуется много времени и средств.

Существует много причин, почему европейские страны неохотно инвестируют в самолеты-заправщики, одна из которых, конечно же, связана с их стоимостью. После окончания «холодной войны» и особенно в последние несколько лет бюджеты на оборону стали урезаться. Это объяснялось стремлением стран соответствовать различным экономическим критериям, в том числе строгим ограничениям на государственные займы в связи с созданием единой европейской валюты. Более того, закупка и эксплуатация самолетов-заправщиков для малых стран бессмысленна как с экономической, так и с военной точек зрения.

Инициатива Испании

Испанская инициатива направлена на создание парка из 10-15 многоцелевых самолетов-заправщиков и транспортных самолетов, закупка и эксплуатация которых будет проводиться совместно рядом стран. Будут рассмотрены все возможные варианты их приобретения, в том числе лизинг, аренда, закупка и финансирование из частных источников. Вопросы формы взносов, распределения затрат, типов летательных аппаратов, характера воинского формирования и эксплуатационных требований будут рассматриваться в ходе предстоящих

исследований. Однако наиболее подходящими самолетами для этих целей в настоящее время представляются, в принципе, «Эрбус-310», «Эрбус-330» и «Боинг-767».

В Праге девять стран-участниц приняли решение создать соответствующую управленческую организацию для закупки средств и комплектования многонационального воинского формирования для эксплуатации самолетов. Таким образом, этот парк самолетов будет иметь характер средств совместной эксплуатации. Хотя он будет преимущественно служить целям НАТО, его может также использовать Европейский союз. Более того, эти средства можно будет использовать и в национальных целях, однако условия этого еще не согласованы. Эта программа открыта для участия других стран, которые могут присоединиться к ней на более позднем этапе. Взносы в программу можно также вносить в форме товаров и услуг.

После пражского саммита для развития этой инициативы министерство обороны Испании создало Национальную целевую группу. За это время целевая группа уже оказала содействие в создании многонациональной группы для проведения анализа различных вариантов закупочной и управленческой деятельности. Ее первое заседание состоялось в январе этого года в Мадриде. Хотя работа над инициативой только началась и предстоит еще пройти долгий путь, она уже получила политическую поддержку руководителей всех стран-участниц. Это служит хорошим предзнаменованием. Если удастся реализовать эту инициативу в соответствии с планом, то у Европейского союза, НАТО и отдельных стран появится значительный дополнительный потенциал. ■